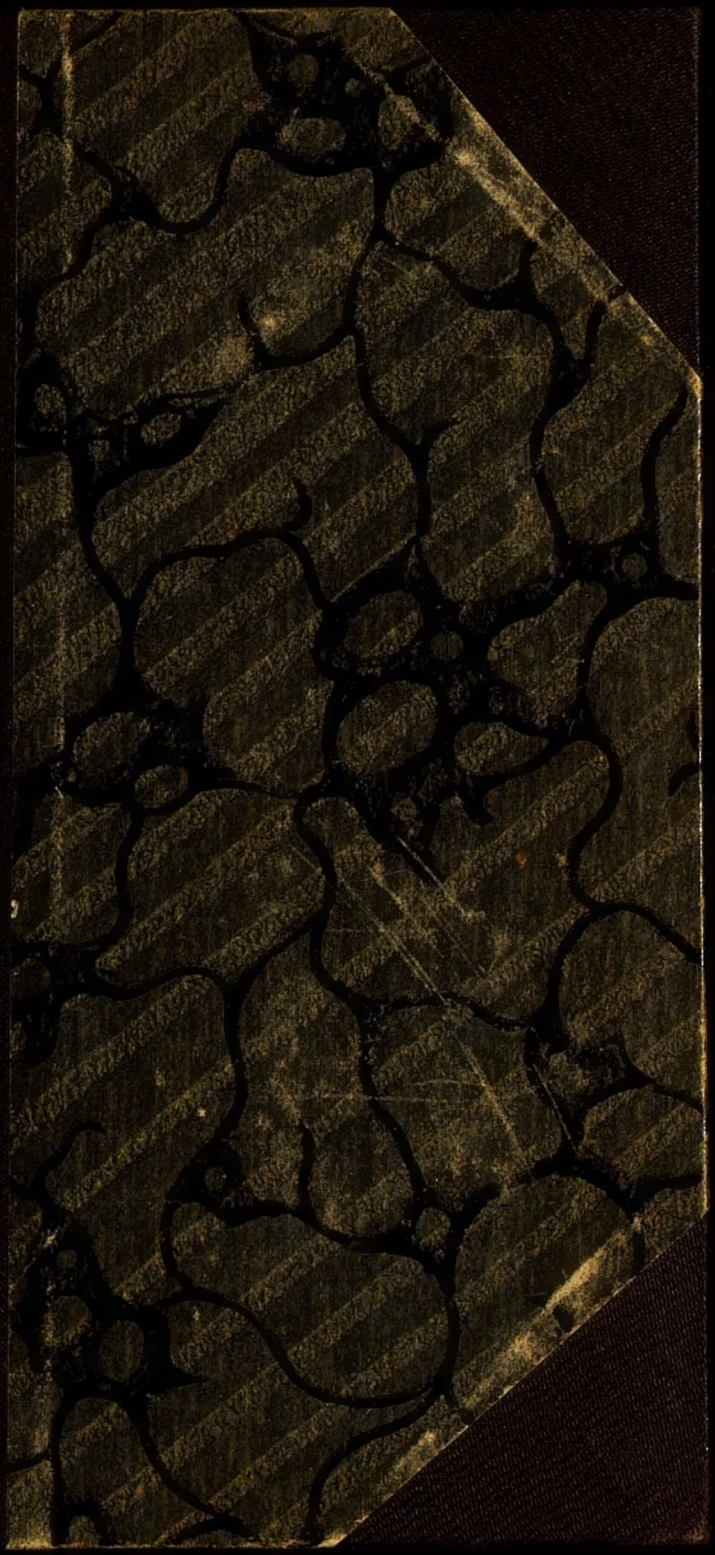
Преображенский

О МОРАЛИ И КЛАСС. НОРМАХ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕГ165
П876



ЕГ165
П876

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

О МОРАЛИ
И
КЛАССОВЫХ НОРМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8. Тел. 1-51-21.

Общественные знания.

Бухарин, Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 385. Ц. 85 к.

Вольфсон, М. Б. Очерки обществоведения. Изд. 3-е. Стр. 428. Ц. 70 к.

Зиновьев, Г. и Ленин, Н. Против течения. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 555. Ц. 1 р. 20 к.

Каутский, К. К критике теории и практики марксизма („Анти-бернштейн"). Стр. 297. Ц. 75 к.

Кунов, Г. Возникновение религии и веры в бога. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 3-е Стр. 182. Ц. 35 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.). Собрание сочинений. Том II. Экономические этюды и статьи (1894—1899 г.г.). Стр. 552. Ц. 1 р. 30 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 548. Ц. 1 р. 30 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. IV. „Искра" 1900—1903 г.г. Изд. 2-е. Стр. 364. Ц. 80 к.

Его же. Собрание сочинений, т. VI. 1905 год. Стр. 528. Ц. 1 р.

Его же. Собрание сочинений, т. VII, ч. I. 1905 — 1906 г.г. От октября 1905 г. до роспуска 1-й Государствен. думы. Стр. 352. Ц. 70 к., в папке 80 к.

Его же. Собрание сочинений, т. VII, ч II. 1905—1906 г.г. От роспуска 1-й Госуд. думы до начала избирательн. кампании во 2-ю Гос. думу. Стр. 303. Ц. 75 к., в пап. 1 р.

Его же. Собрание сочинений, т. VIII. 1907 г. Стр. 663. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 26 к.

Его же. Собрание сочинений, т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328. Ц. 65 к., в пап. 70 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XIV, ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324. Ц. 1 р. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. XIV, ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октябрьской революции. Изд. 2-е. Стр. 536. Ц. 1 р. 45 к., в пап. 1 р. 50 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XV. Пролетариат у власти. 25 окт. 1917 г. — 31 дек. 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I. Пролетариат у власти. 1921 г. Стр. 455. Ц. 1 р. 50 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. XIX. Национальный вопрос. (Статьи 1910—21 г. г.). Стр, 300. Ц. 50 к.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Полное собрание сочинений. Т. III. Исторические работы. Стр. 519. Ц. 1 р.

Их же. Коммунистический манифест. С введением и прим. Д. Рязанова. Изд. 2-е, Стр. 339. Ц. 70 к., в папке 75 к.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии, т. I, кн. I. Процесс производства капитала. Под ред. И. Степанова и В. Базарова. Стр. 767. Ц. 2 р.

Его же. Капитал. Критика политич. экономии, т. II, кн. II. Процесс обращения капитала. Под ред. И. Степанова и В. Базарова. Стр. 199. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. I. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 447. Ц. 1 р.

Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. II. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Под ред. И. Степанова и В. Базарова. Стр. 424. Ц. 1 р.

Его же. Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты" Прудона. С пред. и примеч. Ф. Энгельса. Стр. 165. Ц. 50 к.

Его же. Замечания на программу германской рабочей партии. Критика Готской программы. С вступит. статьей К. Корша. Перев. Н. А. Алексеева. Стр. 97. Ц. 20 к.

Плеханов, Г. В. Основные вопросы марксизма. С пред. Д. Рязанова. Изд. 3-е. Стр. 126. (Библ. Научн. Соц. под. ред. Д. Рязанова). Ц. 35 к.

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ЕТ 165
П 876

О МОРАЛИ
И
КЛАССОВЫХ НОРМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

1273

К.

ЕГ165
П876

Посвящается
Феликсу Эдмундовичу
Дзержинскому.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
(25/0 2б) 4937с.1
8048
1062395

Гиз. № 4905. Главлит. № 10251. Москва. Напеч. 15.000 экз.

„Мосполиграф". 1-я Образцовая тип., Пятницкая, 71.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

В настоящий момент чувствуется потребность в популярной книжке или брошюре о морали. Эта потребность не только, или, точнее, не столько теоретического, сколько практического свойства. Народившийся рабочий читатель и учащаяся молодежь хотят не только знать, что такое мораль, но и ставят вопрос: «правильно ли я живу?». Если ответить на первый вопрос с точки зрения марксистской теории общества не представляет затруднений, тем более, что по существу—ответ уже дан Марксом и Энгельсом, то ответ на второй вопрос несравненно труднее. Этот вопрос ставится, как вполне конкретный вопрос, в определенную историческую эпоху представителями определенного класса. Он слишком широк и неопределенен, чтоб не казаться несколько наивным, но это, тем не менее, глубоко жизненный вопрос. Эксплоататорские классы, господствовавшие в экономической и политической области до революции, поддерживали систему своего господства не только таким аппара-

том классового угнетения, как государство, но и определенными моральными скрепами. Они навязывали угнетенным классам свою мораль. Революция опрокинула экономическое и политическое господство буржуазно-помещичьего блока, она опозорила и эксплоататорскую мораль. Но часть тех вопросов, на которые давала *свой* ответ, продиктованный интересами эксплоататоров, мораль низвергнутых классов,—часть этих вопросов ставится теперь уже с точки зрения рабочего класса, в обстановке господства пролетариата и ставится не всегда в туманной, мистической, моральной форме.

Задача настоящей брошюры заключается не в том, чтобы дать конкретные ответы на все эти вопросы, а в том, чтобы правильно поставить принципиально самый вопрос о морали вообще. При такой постановке часть вопросов отпадает, п. ч. они окажутся неправильно поставленными. Что же касается необходимых и жизненных вопросов, то станет ясней, по какому адресу они должны быть направлены, и где на них искать ответа. Вместе с тем будет дана и оценка тому своеобразному *практическому* аморализму, который распространяет принцип: «все позволено» и на такие области, где с точки зрения интересов пролетариата и его будущего далеко не все позволено. Эта босяцкая философия не имеет, разумеется, ничего общего с коммунистическим аморализмом и является продуктом некоторого идейно-организационного междуцарствия, является инерцией последней фазы того периода, когда заканчивалось

разрушение морали низвергнутых классов. Старые нормы отпали, между тем методы воздействия коллектива на его отдельных членов, свойственные пролетариату при социалистической стройке, границы этого воздействия в различных областях— не выработаны и не оформились. Еще не сложилось общественное мнение пролетариата по ряду вопросов, которые выходят из рамок советского права, тактики и организационных методов партийных и профессиональных организаций, но в то же время имеют жизненное значение для пролетариата с точки зрения сплочения его в класс и для его внутренней спайки, а также для будущего того общества, в котором последний должен играть командующую роль во всех областях. Дело идет здесь, разумеется, о ближайшем будущем нашего советского общества, а не об обществе будущего.

Марксистская литература по вопросу о морали— ничтожна. Кроме всем известных мест в трудах и переписке у Маркса и Энгельса, а также легких экскурсий в область морали в марксистской литературе по теории исторического материализма, можно указать на известную книжку К. Каутского— «*Этика и материалистическое понимание истории*», несколько мест в работах Г. В. Плеханова, особенно о французских материалистах, некоторые места в работах А. Богданова, пару страниц в книге Н. Бухарина—«Теория исторического материализма», кое что, но не вполне доброкачественное с марксистской точки зрения, у Дицгена. И кажется все.

Что же касается извращений марксистской позиции в вопросе о морали, либо сантиментально-мещанских «поправок» и «дополнений» к Марксу, попыток «соединить» его с Кантом и т. д., то этого рода литературы значительно больше. Полемизировать с ее авторами на 6-м году пролетарской революции—вещь архи-бесполезная. Это все равно, что спорить с Милюковым и Струве о преимуществах советской демократии над буржуазной республикой. Наш спор с этическими критиками Маркса давно уже решен в области практики тем, что все эти господа во время гражданской войны оказались на стороне белых и тем с полной ясностью разоблачили социальные корни своего морального вдохновения. К числу мещанско-интеллигентских свистунов в области морали надо отнести и Станислава Вольского с его напыщенной книжкой «Философия борьбы» (сам Вольский также был в лагере контр-революции). Мещанской фальсификацией марксизма в вопросе о морали является брошюра N. N. «О пролетарской этике» [1]).

Я упоминаю особенно о последней брошюре потому, что она имеет кричащий подзаголовок. Впрочем, уже из подзаголовка можно видеть, как глубоко проник автор в существо этики вообще. В этой архиинтеллигентской этике столько же пролетарского, сколько этического в современном пролетариате, т.-е. обе эти величины равны нулю.

---

[1]) Переиздана Издательством В. Ц. И. К. в 1918 г.

Мораль и право.

В нашем изложении мы начнем с привычных, так сказать обывательских представлений о морали (хотя бы и философски обоснованных) и постепенно подойдем к той постановке вопроса, которую считаем правильной и согласной с марксизмом.

Когда сидящий в тюрьме революционер подает царю прошение о помиловании или выдает на допросе своих товарищей по партии, мы говорим о преступлении против революционной этики. Когда, во время стачки в каком-либо капиталистическом предприятии группа рабочих, не подчинившаяся общему решению, выходит на работу и начинает играть роль штрейкбрехеров, говорят о нарушении принципов пролетарской морали [1]). Когда врач выдает тайны болезни своих пациентов, говорят обыкновенно о нарушении врачебной этики и т. д. Уже на основании этих примеров можно дать то определение морали, которое считается обычным. Моралью называется система норм или правил, определяющая поведение людей в известных областях их деятельности. Вместо латинского слова мораль, почти в том же смысле употребляется и слово «этика». Но термин этика приобрел в обычной речи другой оттенок и несколько другое содержание. Если под моралью обычно понимают практические нормы поведения, то под этикой чаще—общие понятия о морали, теорию морали. Что же

---

[1]) Годится ли этот термин вообще, об этом ниже.

касается слов: нравственный и этический, то они означают: согласный с требованием морали; безнравственный и неэтический—нарушающий принципы морали. Мы знаем, что поступки людей в обществе регулируются также и законами, постановлениями органов власти и т. д. Спрашивается, какие же поступки регулируются законодательством, какие—законодательством морали? Разграничительная линия здесь приблизительно следующая. Во-первых, законы запрещают гражданам общества совершать те или иные поступки, которые нарушают интересы господствующего класса и всего существующего общественного строя. Мораль же запрещает или поощряет поступки с точки зрения определенного класса, следовательно, не обязательно господствующего класса. Во-вторых, органом, осуществляющим суд и наказание, является государство. Наоборот, законодателем в области морали является так называемое общественное мнение, следовательно, в классовом обществе общественное мнение данного класса. Это общественное мнение не располагает теми возможностями репрессий и органами репрессий, которыми располагает государство, особенно если дело идет об общественном мнении *не* господствующего класса. Орудием воздействия общества или класса на его отдельных членов является общественное порицание или одобрение, которое, правда, может выливаться иногда в такие ощутительные формы, как прерыв связей, отказ в помощи и содействии, бойкот и т. д. Затем законы государства запрещают те или другие поступ-

ки, но не говорят о том, что рекомендуется делать. Наоборот, моральные нормы не только порицают одну деятельность, но и поощряют моральным одобрением другую. Далее, закон может не запрещать тех поступков, которые запрещаются моралью. Наоборот, моральное суждение выносится и о тех поступках, которые запрещены законами и не всегда выносится в духе этих законов. Отсюда видно, что область человеческих поступков, на которые обычно распространялась и распространяется (в классовом обществе) моральная оценка, шире той области, которая регулируется законодательством. Но она все же ограничена определенными рамками. Какие это рамки?

Субъективные цели и объективные последствия.

Не всякий поступок обыкновенно подвергается моральной оценке. Если какой-либо турист гуляет на горе в безлюдной местности и бросает для забавы вниз каменья, то это занятие не назовут ни нравственным, ни безнравственным. Но дело тотчас меняется, когда у подошвы горы появляется человек. Турист может причинить ему вред, если будет продолжать свое занятие; и теперь его занятие можно уже рассматривать под углом зрения нравственности или безнравственности. Отсюда видно, что моральной оценке вообще подвергаются лишь те поступки, которые приносят пользу или вред людям. Следовательно, нравственным или безнрав-

ственным поступок считается не сам по себе, взятый вне времени, пространства, социальных связей человека и интересов других людей, а лишь в зависимости от того, как он действует на других членов общества (или на самого действующего, если его рассматривать как единицу в обществе себе подобных). Таким образом из бесчисленного количества человеческих поступков сразу выделяется определенная лишь часть их.

Но и эта часть сократится во много раз, если к обсуждению будет привлечено сознание и воля совершающего поступок, чем всегда занималась старая мораль. Возвратимся к нашему примеру. Допустим, наш турист продолжает швырять с горы камни, вполне уверенный, что внизу никого нет, и сброшенной вниз глыбой ранит или убивает человека. В этом случае поступок убившего может и не подлежать моральной оценке, поскольку дело идет о поступке, который совершился против воли и желания виновного. Возьмем противоположный пример. В местности, где население страдает от недостатка воды, член общины, зарывая в землю краденное или иным путем, случайно натыкается на водную жилу. Никто не подумает называть поступок сего гражданина высоконравственным. Наоборот, другой член общины, который убил массу времени и сил, безуспешно разыскивая для общины источники воды, будет считаться нравственным (в этом отношении) человеком, и деятельность его заслуживающей морального одобрения. Конечно, если б все благие намерения в свете кончались

тем, чем кончилась услуга Крыловского медведя, а все поступки, предпринятые с дурным намерением, открывали человечеству колодцы счастья, то понятие нравственного и безнравственного в приложении к сознательно действующему человеку изменилось бы в корне. Если же обычно намерение, имеющее благо других людей, одобряется и поощряется, как нравственное, то только потому, что от этого намерения, так сказать, пахнет положительным результатом. Поощряется моральным одобрением не само намерение (потому что само по себе, не проявившееся на деле, и вечно осужденное не проявляться, оно не имеет никакой ценности, ни положительной, ни отрицательной), поощряется его последствие, или, вернее, то, что с ним чаще связано в действии. Точно также и так называемые «злые» намерения порицаются лишь потому, что это, обычно, предвестники вредных поступков, которые общество или класс стремится предотвратить заранее, задержать, перешибить их еще в стадии намерения.

Нравственный—полезный; безнравственный—вредный.

Но не значит ли всегда слово нравственный и безнравственный—полезный для людей или вредный для людей?

Если мы оставим в стороне цели и намерение людей, совершающих те или иные поступки, и будем говорить лишь об их фактических поступках и их последствиях, то это именно так

и будет. Нравственный, в переводе с туманного языка морали на обыкновенный, всегда означает благоприятный для людей или определенной группы людей, полезный, целесообразный; безнравственный—вредный, гибельный, нецелесообразный. Нет ни одной в мире системы морали, требования которой не коренились бы в нуждах и потребностях определенных обществ или классов. Штрейкбрехерство считается одним из самых тяжелых преступлений против пролетарской морали, потому что приносит огромный вред борющемуся пролетариату. Трусость и измена считаются на войне самыми тяжкими преступлениями против военной этики, вполне пропорционально тому вреду, который они приносят борющейся стороне. Кража считается безнравственной в среде собственников, способ производства которых требует поддержания форм частной собственности. Наоборот, среди группы лиц, вся профессия которых заключается в нарушении права собственности, а следовательно и собственнической морали, т.-е. среди воров, безнравственным или верхом халатности считается не украсть того, что плохо лежит (за исключением собственности самих членов шайки). Врачебная этика запрещает разглашать тайну болезни пациентов, потому что такое разглашение материально вредит врачам, как определенной профессии. (Либо, если принять вариант самих врачей, потому что разглашение заставляет больных уклоняться от медицинской помощи, т.-е. врачебная мораль как будто охраняет интересы общественного здравия.)

Далее. Поступок может быть более нравственным по этой старой оценке или менее нравственным. В переводе с морального языка на материальный это значит, что тот или иной поступок является более полезным для общества или класса, либо менее полезным. Штрейкбрехеры совершили бы более тяжкое преступление против пролетарской морали, если б не только пошли срывать стачку, но еще обратились бы к полиции за помощью против стачечников, т.-е. принесли бы еще больший вред бастующим и т. д.

Одним словом, всегда и везде нравственным в данном обществе, классе, группе людей считается все то, что выгодно, благоприятно, необходимо для данного общества, класса, группы; безнравственным—все, что невыгодно для данного общества, класса, группы. При чем вред и польза могут быть, разумеется, и прямыми и косвенными, выгоды настоящими и будущими.

Эволюция моральных норм.

Но ведь то, что выгодно сегодня, может быть вредным завтра и наоборот. Как же обстоит тогда дело с моралью?

Меняется также и мораль. История дает бесчисленное количество примеров этого рода. В сущности, вся история морали, т.-е. прежде всего практически действующей морали, есть один сплошной пример такого рода.

Когда труд отдельного человека был мало производителен, и, в среднем, один человек не мог

создавать прибавочного продукта, а то, что создавал, еле хватало для поддержания его собственной жизни, в этот период воевавшие друг с другом племена не брали пленников, а истребляли их. Пленник не мог дать прибавочного продукта своему господину. Мораль этих племен считала дозволенным и необходимым такое истребление побежденных. Когда же производительность труда возросла, так что взятый в плен мог не только окупить себя, но и дать прибавочный продукт господину, тогда истребление пленников прекратилось, их брали в рабство и заставляли работать на победителей. Мораль этих победителей ковыляла за их изменившимися интересами и стала осуждать убийство пленников, как безнравственное.

Далее. Торговля людьми и рабство считается безнравственным в развитом буржуазном обществе. Наоборот, греки и римляне, создавшие на спинах рабов античную культуру, не думали считать рабство безнравственным, пока рабский труд играл важную роль в их хозяйстве. Но рабоский труд в определенную эпоху развития общества оказался менее выгодным в сравнении с крепостным или вольнонаемным трудом и мораль не замедлила произнести свой приговор над ним.

Совершенно такая же история повторилась с трудом крепостным. Первое «открытие» того, что крепостничество является «безнравственным» и «унижает человеческое достоинство», сделали те группы владельцев крепостных, которые еще до этого открыли, в своей экономической практике,

что вольнонаемный труд хозяйственно выгодней труда крепостного. В частности, у нас в России ратовать за освобождение крестьян по «моральным» мотивам промышленники и часть дворянства стали в то время, когда вольнонаемный труд, как более выгодный, стал вытеснять крепостной труд не только в промышленности, но и в помещичьих хозяйствах, работавших на рынок, особенно на юге России.

Убийство стариков только потому, что они не способны трудиться, считается глубоко безнравственным во всех обществах и при всех системах хозяйства, где есть прибавочный продукт, и, в частности, в земледельческих общинах, где к тому же старики играют роль «старших», т.-е. организаторов в производстве. Наоборот, среди многих племен дикарей убийство стариков, переваливших за известный возраст, является бытовым явлением и не противоречит моральным воззрениям. Причина ясна. Племена, среди которых существует этот обычай, обладают настолько скудными средствами к существованию, что содержание стариков отнимало бы возможность существования соответствующей части трудоспособных и их детей. Из двух зол выбирается меньшее. Убийство стариков считается в данном случае нравственным, потому что представляет из себя средство сохранения рода как целого.

Возьмем дальше самоубийство. У чукчей считается жалким малодушием, если старик, достигший определенного возраста, не кончает с собой. Причина ясна из предыдущего. В общинах, где средств жизни достаточно для всех членов и где

увеличение населения выгодно, особенно у народов земледельческих, самоубийство считается безнравственным. Например, христианская мораль, сложившаяся в обществе, уже обладающем систематически значительными массами прибавочного продукта, считает самоубийство грехом. У пролетариата капиталистических стран, где огромное большинство самоубийств совершается на почве нужды и безработицы, моральное возмущение направляется против действительного убийцы этих самоубийц, т.-е. против строя, который убивает голодных их собственными руками перед складами, полными товаров (самоубийства среди рабочих увеличиваются как раз во время безработицы и кризисов, т.-е. в момент наибольшего избытка нераспроданных товаров). Самоубийство революционера, кончающего с собой от разочарования и неудач в борьбе с эксплоататорским строем, т.-е. дезертирующего с поля сражения, не вызывает особенного чувства восхищения, так как силы самоубийцы пригодились бы борющемуся классу в дальнейшем. Совсем иная оценка у революционеров по отношению к тем из их товарищей, которые кончают с собой, чтоб не выдать во время истязания на допросе своих товарищей, либо кончающих с собой после порки в каторжной тюрьме. В этом случае самоубийство либо предупреждает ущерб для революционной партии, либо протестом смерти обеспечивает лучшую обстановку тюремной жизни для живых.

На некоторые вещи моральные воззрения менялись несколько раз на протяжении истории. Напри-

мер: детоубийство у многих племен, ведущих бродячий образ жизни, считалось и отчасти считается и теперь допустимым. Такие систематические убийства необходимы при данных условиях, потому что дают возможность матерям передвигаться вместе с племенем и, следовательно, спастись от гибели в суровых условиях охотничьей жизни. У народов оседлых, земледельческих, где этот мотив отпадает и где, кроме того, увеличение населения выгодно с производственной точки зрения, детоубийство считается тяжким моральным (и не только моральным) преступлением. Но опять в древней Спарте, где первый мотив не имел значения, но с военной точки зрения было необходимо воспитание лишь наиболее крепких граждан-солдат, существовал обычай умерщвления физически слабых детей. В современном обществе, где прибавочного продукта достаточно для обеспечения всех живущих взрослых, детей и стариков и где существует не абсолютное, а лишь относительное перенаселение, убийство живых детей считается преступлением, а на искусственные выкидыши существуют различные точки зрения в зависимости от классовых интересов и материального положения отдельных групп населения.

Библиотека Института Ленина ЦК РКП(б) 1062395

Мораль в классовом обществе.

В обществе, подобном современному, т.-е. в классовом обществе, одни группы людей заинтересованы в одном, другие—в другом; одним группам может быть выгодно как раз то, что другим вредно. Что

же делается в классовом обществе с моралью? В каком направлении она изменяется?

Мораль в классовом обществе следует за классовым интересом, который она заставляет щеголять в туманном, мифологическом одеянии, т.-е. просто делается классовой. Каждый сложившийся и имеющий определенные интересы класс или же заново вырабатывает подходящую для себя мораль, или же приспособляет к своим нуждам старую, внося в нее поправки, расширяя или суживая ее требования, толкуя в своих интересах те или иные ее пункты.

Возвратимся еще раз к нашему примеру с штрейкбрехерами. Бастующие рабочие стремятся пристыдить штрейкбрехеров и теми или иными способами заставить их присоединиться к большинству. Это находится в полном согласии с интересами рабочих и, следовательно, с их пролетарской моралью, требующей классовой солидарности в борьбе всех трудящихся. Но вот на сцену появляется фабрикант и обращается к стачечникам с громовой речью. Нужно бы ожидать, что он скажет: «Мошенники, вы хотите лишить меня последней группы работающих, вы мешаете мне сорвать стачку, вы нагреваете меня на десятки тысяч золотых рублей убытку». Ничего подобного. Наш фабрикант предпочитает язык морали. «Как, вы препятствуете работать желающим?—говорит фабрикант.— «Но ведь вы покушаетесь на свободу человека, вы совершаете насилие над личностью. Разве вы сами не хотите свободы? Почему же вы посягаете на эту

свободу по отношению к другим, раз они с вами не согласны»? и т. д. Здесь перед нами один из миллионов примеров того, когда на один и тот же вопрос могут быть совершенно противоположные взгляды у двух классов, если их интересы в данном пункте диаметрально противоположны. Мораль одного класса предписывает своим членам то, что мораль враждебного класса запрещает. Это во-первых.

А во-вторых, из приведенного примера мы можем видеть, как нарушение материального интереса отдельного лица или целого класса представляется этому лицу или классу или сознательно изображается ими, как нарушение человеческой морали вообще. Происходит же это потому, что определенные группы или классы *еще раньше путем бессознательного процесса* успели приспособить свои моральные убеждения и все содержание и формы своего классового сознания к своим классовым интересам. Истинно для них то, что не разрушает их системы мышления, сложившейся на почве определенной системы производства и распределения; нравственно для них то, что согласуется с их классовыми интересами и усиливает их шансы на победу в классовой борьбе. Пусть теперь читатель представит себе вместо нашего фабриканта весь класс капиталистов; вместо вопроса о штрейкбрехерах на отдельном заводе основные интересы буржуазного класса, который последний защищает в борьбе с враждебными классами; вместо оратоствующего фабриканта пусть выступят его замы по

этой специальности, т.-е. литераторы, профессора, проповедники религий, адвокаты, защищающие эксплоатацию рабочей силы. Тогда он будет иметь перед собой картину того, что происходит на деле в современном обществе. То, что выгодно классу буржуазии, проповедуется, как нравственное, как морально-обязательное, как естественное и необходимое *для всех*. То, что направлено против этого класса, его господства, его системы собственности, государства, семьи и т. д., то представляется или выдается за нарушение человеческой морали вообще.

Но ведь кроме буржуазии были и сейчас есть другие общественные классы. Как же они поступают в таком случае? А совершенно так же, как и наш фабрикант, как вся буржуазия. То, что выгодно этим классам, что поддерживает и укрепляет их власть, увеличивает доходы в настоящем и обеспечивает получение их в будущем, что согласно со сложившейся классовой психологией и увеличивает внутреннюю сплоченность класса,—все это под флагом вечных истин, добра, правды, красоты, справедливости, свободы и т. д. защищается их литераторами, их представителями религий и осуществляется в жизни в виде общественного мнения всего класса, которое осуждает одни поступки своих сочленов, одобряет другие.

Когда же интересы этих классов, владельцев вечных истин всякого рода, сталкиваются между собой, то этот спор интересов они облекают в спор вечных истин. А когда атака достаточно подготовлена этой духовной артиллерией, когда

сплотились под знаменем этих истин ряды каждого класса, и примкнули союзники из других общественных групп, тогда начинается «критика оружием». И хотя сами по себе вечные истины не обладают ни чрезмерными аппетитами, ни честолюбием, в их пользу один класс отбирает у другого и доходы и власть. Если оставаться на уровне буржуазного или феодального кругозора, то может показаться, что на протяжении истории не одни классы боролись с другими за свои интересы, а что одна «вечная» истина хватала другую за горло миллионами рук, приведенных в действие, что одна мораль читала мораль другой залпами из пушек и пулеметов.

Но если действующая мораль каждого класса является всегда классовой моралью, то, во-первых, почему существует и держится такой самообман и обман, о котором говорилось выше и какой смысл имеет выдавать свою классовую мораль за общечеловеческую и истинную на все времена? Надо сказать, что при столкновениях представители различных классов умели недурно подмечать далеко не общечеловеческий характер морали своих противников. Но по отношению к себе им изменяло зрение. Как происходит, что лица определенного класса совершенно искренно убеждаются, что защищаемые ими истины есть истины вечные, общеобязательные, и в то же время всюду и всегда существует поразительная гармония между свойствами этих истин и классовыми интересами, одним словом, как сознание незаметно приспособляется к ма-

териальным интересам,—этот вопрос касается теории классового познания. Что же касается того, почему такой самообман прочно держится, то ответить на это не трудно. Когда мораль класса выдается за общечеловеческую, вечную, то не только лица этого самого класса будут придерживаться ее, что разумеется само собой, но и другие общественные группы могут быть временно привлечены на сторону данного класса. Если бы наш фабрикант прямо заговорил о своих карманных интересах, то если кто и проявил бы к нему сочувствие, то только другие фабриканты, которым тоже приходилось или придется быть в таком неприятном положении. Все же рабочие могли бы только сказать: «что ж, тебе не выгодно,—нам выгодно, только и всего». Когда же наш оратор говорит о свободе вообще, о недопустимости насилия, то иной простак из рабочей же среды мог бы подумать: «и в самом деле, может быть, и правда я не прав». А огромное большинство лиц других классов несомненно поддержит в данном вопросе фабриканта, стоящего за «свободу» против ее «насильников». Вообще переодевание своей классовой морали в костюм общечеловеческой истины и справедливости сыграло огромную роль в истории и продолжает играть и теперь. Таким путем господствующий класс навязывает свою мораль другим классам, от него зависящим, и пока последние не освободились от чуждой им морали и не выработали свою, ведет их на поводу, заставляя служить своим интересам. Таким образом, если в классовом обще-

стве общечеловеческой морали нет, то иллюзию о ней вполне стоило выдумать [1]).

В классовом обществе не только каждый класс имеет собственную мораль, но и один класс в разные периоды своего исторического существования меняет свою мораль в большей или меньшей степени. И это вполне понятно, если вспомнить, что меняется общественная обстановка, меняются интересы этого класса, как и вообще все течет, все меняется в сем мире. Например, когда буржуазия на первых этапах своего существования была представлена торговым капиталом, она еще не порывала с моралью того общественного класса, который тогда господствовал в обществе, т.-е. с моралью земельной аристократии и духовенства. А официальной моралью этих классов являлась в общем христианская мораль. (Торговый капитал лишь приспособил к интересам первоначального накопления эту мораль, благо для этого она давала полный простор [1]). По мере того как буржуазия

---

[1]) На удочку вечных истин всегда особенно усиленно клевали и клюют промежуточные классы, прежде всего мелкая буржуазия; привлечение мелкой буржуазии на свою сторону всегда играло важную роль в стратегии крупного капитала. Товар „вечных истин“ нужен капиталу прежде всего для этого потребителя.

[2]) Любопытно, что в то время как дворянин вычитывал из христианской морали и применял на деле принцип: „не пещитесь об утрие“, проматывая свое состояние, представитель духовенства налегал в своих проповедях на отказ от земных благ (в пользу церкви), тогда как Колупаев и Разуваев ратовал за воздержание в интересах первоначального накопления.

начинает крепнуть, и ее интересы начинают приходить в столкновение с интересами аристократии и духовенства, она начинает освобождаться от их морали: сначала путем поддержки разных реформаторских течений в христианстве, ближе выражающих ее цели (лютеранство, кальвинизм и пр.); потом, когда она еще более окрепла и готовится вытеснить аристократию и духовенство от власти в обществе, она выдвигает литераторов, ученых, моралистов, которые начинают доказывать, что религия есть вообще заблуждение ума человеческого и сплошное суеверие, что только разум может открыть нам истину. И «разум» не замедлил открыть целый ряд таких истин, которые оправдывали разрыв буржуазии со старой моралью и окрыляли ее на борьбу за власть. Где (как, например, во Франции) противоречия интересов между буржуазией и аристократией были глубоки и резки, там и разрыв в области морали был полный, и католицизм получил полную отставку от буржуазии. Там, где противоречия интересов у этих классов были менее глубоки (как, например, в Англии) там и религия оказалась тоже не столь глубоким «заблуждением», и был достигнут компромиссс буржуазии со старой моралью.

Но вот буржуазия у власти. Раздается лозунг: «обогащайтесь». И буржуа начинают обогащаться руками пролетариата и отдельные капиталисты развивают бешеную конкуренцию между собой. Свобода действия для капитала и представителей капитала является главным моральным требованием

буржуазии: все хорошо, все дозволено, все нравственно, что дает капиталу возможность беспрепятственно расти трудом рабочих. И чтоб стереть все преграды на пути самовозрастающему капиталу, раздается лозунг: «долой всякую мораль». Свободно-действующая личность, поступающая всецело по своим эгоистическим желаниям, лучше всего обеспечит и благо общее, потому что интересы личности и интересы общества совпадают. Правда, стоило кому-нибудь покуситься на неприкосновенность частной собственности или доходов буржуа, как виновный сейчас же увидал бы, что лозунг «долой всякую мораль» надо понимать с умом, осторожно; что этот лозунг на языке действительности означает только «долой мораль, мешающую развитию капитала».

Но обогащаясь, буржуазия убеждается с каждым днем, что рост капитала сопровождается ростом пролетариата, прояснением его сознания, увеличением его активности в борьбе за свои требования. Пролетариат тоже требует себе места на пиру жизни, и чем дальше, тем больше угрожает господству буржуазии. И буржуазная мораль начинает претерпевать новый цикл изменения. Буржуа вспоминает о своей старой знакомой, христианской морали, которая так хорошо держала в узде народные массы во время господства аристократии и которую он так легкомысленно объявил ненужной и вредной. На сморщенном лице этой старушки он начинает открывать новые достоинства, которых не заметил сгоряча в дни своей исторической моло-

дости. И вот мы присутствуем при воскресении из мертвых этой морали. В Америке и Англии, где лицемерие и ханжество среди высших классов особенно развито, можно наблюдать такую картину: миллионер, заводчик и биржевой игрок выступает проповедником с евангелием в руках и говорит рабочей массе, собравшейся послушать: «Братия, не заботьтесь о радостях в своей жизни, поступайте так, как заповедал Христос. Не берите примера с нас многогрешных. Мы накопили богатства, но зато нас ожидают вечные муки на том свете. Наоборот, ваша доля есть лучшая доля, потому что бедному легче, чем богатому, войти в царствие божие. И будьте благодарны нам, что мы, лишая вас благ сей жизни и готовясь принять за это муки вечные, вам готовим рай». Под влиянием растущей силы пролетариата буржуазия начинает отказываться таким образом от своей морали, вынуждена вступать в противоречие со своей собственной моралью, прибегая к моральному лицемерию. (Общая черта разлагающихся классов перед неизбежной потерей господства.) С другой стороны, растущая солидарность пролетариата сплачивает и буржуа перед лицом общей опасности. Старый лозунг: «действуй каждый на свой страх и риск», начинает терять свою цену в обществе капиталистов. «Насилие над личностью» начинает практиковаться в среде патентованных защитников свободы конкуренции все чаще и чаще, когда это является необходимым в интересах всего буржуазного класса. Всякий теперешний европей-

ский буржуа несравненно более робкий либерал в области морали, чем его дед и прадед эпохи революции. И хотя в практической жизни, в погоне за наслаждениями всякого рода для него действительно нет никакой морали, у него отнимается язык сказать теперь по примеру своего деда: «долой всякую мораль».

Но не везде старая мораль отбрасывается вся целиком как ненужный хлам новым классом. Как экономная хозяйка, выкраивающая из старой одежды новое платье на изменившийся рост, человеческая психика стремится обойтись старыми истинами, приспособив только их к новым потребностям. В человеческой истории новое вино гораздо чаще вливается в старые мехи. В качестве яркого примера того, как одна и та же система морали может служить разным классам, можно привести ту же христианскую мораль. Попы, мещане и покаявшиеся буржуа видят в этом ее высокие достоинства, они приписывают это тому, что де христианская мораль есть единственная общечеловеческая мораль, способная для всех времен, народов и классов служить руководящим началом жизни. В действительности же эта всегда молодившаяся проститутка служила многим господам лишь потому, что полна противоречий и ее можно толковать как угодно. Каждый класс брал из нее только то, что подходит к его интересам, каждый класс по-своему толковал разные пункты христианской морали, вкладывая в них смысл, подсказанный ему его интересами.

Как разрывается на части христианская мораль различными классами, как самые противоположные интересы оправдывались ссылками на учение Христа, можно видеть на сотнях примеров из истории и из современной жизни.

«Земля наша малая, куренка выпустить некуда, землицы бы нам»,—говорил мужик перед революцией, обращаясь к барину.

«Не пожелай ничего, елико суть ближнего твоего»,—наставительно отвечает не позабывший писания барин.

«Помилосердствуй, отец, земля Божья. Христос велел даже рубашкой делиться. А много ли мы просим? Прокормиться лишь бы».

«Не хлебом единым жив человек. Терпите и за это царствие божие наследуете на небеси»,—отвечает христианнейший помещик.

Когда же мужики начинали слишком настойчиво лезть, то евангельские разговоры заканчивались, на сцену появлялись полиция, жандармерия, войска. Мужиков беспощадно пороли и расстреливали, а крестьяне отвечали на это убийством помещиков. И все это в пределах одной и той же христианской морали, которой клялись и дворяне и мужики, и попы и полицейские, и православные и сектанты. Терпение, покорность судьбе, повиновение властям установленным, все эти моральные заповеди христианства эксплоататоры разных стран прекрасно использовали, чтобы оправдать свое господство над массами. Наоборот, все, что есть в евангелии демократического, что направлено против

богатства, неравенства всякого рода, все это использовали массы в своей борьбе с угнетателями, поскольку не поднимались до создания собственной новой морали, и не освобождались окончательно от цепей религии. Даже пролетариат на первых стадиях своей классовой борьбы еще пытается удержаться на линии христианской морали, и Христос представляется многим руководителям рабочего движения того времени чем-то в роде первого социалиста. Но дальнейшее развитие классовой борьбы исправляет эти ошибки детства пролетарского движения, и пролетарский авангард разрывает всякую связь с религиозными путами.

Так называемые—вечные моральные истины.

Но неужели человечество за свою многовековую историю так и не могло выработать таких моральных требований, которые были бы обязательны для всех людей, несмотря на существующие между ними противоречия в интересах и которые отражали бы общность интересов всего человечества, как вида, в борьбе с природой? Ведь есть же такие вопросы, как вопрос о ценности самой жизни человека, вопрос о целости всего рода человеческого, наконец, такие качества, как совесть, честность и храбрость, с одной стороны, ложь, предательство, трусость—с другой.

Начнем с первого вопроса и по поводу известной евангельской заповеди «не убий» произведем анкету среди различных классов.

Обратимся сперва к духовенству как наиболее компетентному в писании. «Конечно, убийство—грех,—отвечает нам батюшка, но... но ведь Христос изгнал торгующих из храма». И на том основании, что Христос изгнал веревкой скот торгующих из храма, служители церкви при царе «напутствовали» тех, кого с веревкой на шее царские палачи изгоняли «в лучший мир» за борьбу с капиталом. Они «напутствовали» также миллионы людей, которых гнали на убой во всех войнах господствующие классы.

Благочестивый мелкий буржуа отвечает: «Убийство—грех, но... но если ко мне залезет в амбар вор и я подстрелю его, защищая свое имущество, кто скажет, что я—нечестный человек».

Спросим крупного буржуа. «Как вам сказать,—скажет он,—убийство вещь нехорошая, но... но как не стрелять таких негодяев, которые своими стачками губят промышленность».

Свой ответ православный помещик дал нам выше. Если мы взвесим теперь всю тяжесть этих ограничительных «но», то в переводе со славянского языка на русский «не убий» будет означать: постреливай по мере надобности. Таким образом на один из важнейших вопросов, на вопрос о жизни человека действующая мораль дает ответ вполне в духе классовых интересов.

Но если не отдельная человеческая жизнь, то, быть может, интересы всего человечества, интересы сохранения племени должны бы быть всем дороги, несмотря на различие интересов классовых, т.-е.

интересов временных, преходящих, меняющихся? Нимало.

«Франция вырождается, посмотрите на нашего крестьянина, которого вы замучили непосильными поборами, довели до нищеты и физического упадка, пожалейте будущее нашей родины и нашей расы»,—говорит французский буржуа перед революцией, обращаясь к аристократу.

«После нас хоть потоп»,—отвечает весело тот, допивая бутылку шампанского.

«Посмотрите, нация хилеет с каждым годом под влиянием изнурительного труда на ваших фабриках,—говорит английский аристократ новому господину, капиталисту, который только что болел душой за нацию во Франции.—Надо ввести фабричное законодательство, ограждающее нацию от расхищения рабочих сил и вырождения».

«Вы что же, хотите убить промышленность?»—отвечает возмущенный капиталист и продолжает высасывать соки не только из взрослых мужчин и женщин, но и из детей вплоть до 5-летнего возраста, пока вырождение населения не начинает угрожать военной мощи государства, пока, одним словом, опасность не начинает угрожать тому же буржуазному карману, но только с другой стороны.

Подобные примеры дает каждая страна в любую эпоху, раз только деление общества на классы далеко пошло вперед. Только тогда интересы человечества защищаются, когда это совпадает с классовыми интересами. А когда последние вступают в противоречие с интересами рода, с интересами

социального развития, то представители того или иного класса никогда не задумаются поставить свои групповые интересы на первый план, и их мораль стоит на-страже прежде всего их классовых интересов [1]).

Идем дальше. Может быть, расходясь в целях своей деятельности, расходясь в понятиях добра и зла, различные классы в осуществлении своих целей, в средствах к цели могут достигнуть морального единомыслия? Быть может, они согласны, что одни средства хороши, морально допустимы, а другие нет? Быть может, во взгляде на правдивость, честность, верность слову они все согласны?

Как сказать, отвечает нам история: ничего нет в мире ни абсолютно нравственного, ни абсолютно безнравственного ни в целях, ни в средствах; ни абсолютной правды, ни абсолютной лжи. У разных классов правда и честность в разном фаворе. Например, феодальный рыцарь старается высоко держать знамя честности и верности своему слову по отношению к его господину и к равным себе. Но он делает различие между человеком своего круга и какой-нибудь чернью. Обмануть первого для него большое моральное преступление, а по отношению

---

[1]) Вообще в классовом обществе интересы человечества, как вида, защищает обыкновенно (фактически, а не на словах только) самый передовой класс общества, потому что интересы социального развития, интересы будущего человечества совпадают с его классовыми интересами. Таким образом, интересы вида не имеют так сказать постоянной квартиры в классовом обществе и меняют ее с переходом власти от одного класса к другому.

ко второй—все средства хороши. А вот компетентный в своем деле купец прямо говорит: не обманешь, не продашь. Другой же, если не обманывает, так опять же по его собственному заявлению только потому, что честность в торговле стала выгодней. В общем акции правды и честности, с одной стороны, и лжи—с другой, то падают, то поднимаются в истории каждого класса. Когда класс силен, стремится к власти и будущее за ним,—он поднимает акции правдивости. Он более правдив и объективен и в своей практической жизни, и в науке, и в искусстве. Наоборот, когда класс клонится к упадку, к потере власти и господства, он, как запутавшийся в делах банкрот, хватается за все средства, чтоб спасти положение. Невыгодна правда,—поднимаются акции лжи; и никогда не хватит недостатка в талантах, которые будут доказывать, что ложь имеет очень почтенные заслуги перед человечеством. Если член определенного класса пользуется ложью и клеветой в интересах своего класса, а не из личных целей, и пользуется с успехом для дела, то он всегда останется честным и уважаемым членом своего класса и будет считаться человеком более высокого морального уровня, чем его коллега, который молчал там, где этот лгал во имя своего класса.

Разлагающийся католицизм выдвинул иезуитов, приемы деятельности которых достаточно известны. Но ни католицизм не потерпел бы ни дня этот орден, ни орден в среде своих членов, если бы в первом случае орден, а во втором его отдельные члены использовали ложь только в своих личных целях.

Господствующие классы пользуются ложью для обмана и беспрепятственной эксплоатации угнетенных классов. Вся мораль в сущности построена на классовой лжи: один класс выдает свои классовые интересы, удачно прикрытые «внеклассовыми» моральными и иными истинами, за интересы общечеловеческие. И наоборот, угнетенные классы очень часто прибегают к инструменту лжи, как к орудию обороны от своих угнетателей. Всякая подпольная работа, всякий заговор, подготовка втайне восстания и т. д., все это требует лжи. Если для внеклассового общества, в его быту ложь невыгодна для всех в целом, потому что заставляет тратить добавочную энергию членов общества на выяснение истины, то в классовом обществе дело обстоит иначе. Ложь отвергается или не применяется лишь в тех случаях, когда невыгодно в классовых интересах ею пользоваться.

Может быть храбрость—искомое качество?

Да, храбрость—качество, ценимое людьми всех классов, потому что еще не придумано средство побеждать в борьбе посредством трусости. Но—увы!—и здесь возможны различные степени оценки этого качества. «Безумство храбрых,—вот мудрость жизни»,—поет рвущийся в бой буржуа перед революцией. «Миллиончик в кармане и партия в вист в мирной и тихой обстановке, вот мудрость жизни,—говорит тот же буржуа столетие спустя. Вообще храбрость ценится выше у тех народов и тех общественных групп, существование которых связано с войной. Наоборот, те народы и те общественные

классы, которые могут достигнуть большего не путем храбрости, а, например, путем изворотливости, хитрости, ума, не задумаются поставить последние качества выше храбрости. Это и понятно. Для класса морально то выше, что полезней классу в его борьбе, что обеспечивает ему наибольший результат с наименьшей тратой сил. Да и сама мораль есть ведь не что иное, как средство наиболее тесно сплотить всех членов класса в защите интересов целого и наиболее выгодно использовать всех членов класса с этою целью.

Но вот предательство. Неужели оно не отвратительно морально для всех классов? Увы,—кто для данной армии, класса, народа является предателем, тот для враждебной стороны лишь «полезный сотрудник». Каждый класс, армия и пр., пользуясь предательством и вознаграждая предателей от противной стороны, тем самым доказывают, что ненавидят не предателей вообще, а лишь своих собственных предателей. Только и всего.

А совесть? Разве это не голос общечеловеческой морали в самом чистом виде,—голос, чуждый всяких узко-эгоистических соображений и раздающийся как раз в противодействие им? Посмотрим.

У самоедов часто случается, что разбогатевший член племени в один прекрасный день под влиянием голоса совести раздает все накопленное имущество сородичам. Потом снова начинает свой обычный род занятий, пока снова, устыдившись своего материального превосходства над ближними, не производит раздела. Русский купец старого

закала хотя не столь подвержен разделительным стремлениям, тем не менее и он чувствовал бы свою совесть непокойной, если бы не давал у себя приюта юродивым, не написал бы в завещании известную сумму на богательню, не делал милостыни, не жертвовал на монастырь, и, чтоб совсем прочно было, не повесил бы 100 пудовый колокол на церковь и т. д. Но уже сын нашего купца, учившийся в университете, и вообще человек передовой, совсем не расположен кормить юродивых, делать вклады в монастыри, жертвовать колокола. И то, что отец его считал делом совести, наиболее нравственным делом, то сын считает скорее безнравственным и по меньшей мере глупым. Он считает безнравственным и неразумным кормить дармоедов монахов и юродивых, тратить деньги на поддержку суеверий, и предпочитает на эти средства «дать заработать» трудящимся, т.-е. расширяет размеры эксплоатации. А угрызения совести? Неужели сыну они так и незнакомы вовсе? Нет, напротив. Только недавно он уклонился от взноса в кассу, которую образовал торгово-промышленный класс, чтобы добиваться путем агитации увеличения ввозных пошлин. А затем, вопреки решению всех фабрикантов, не увеличивать расценки по требованию рабочих,—решению, за которое он сам голосовал, нарушил это постановление, чтобы не лишиться выгодных заказов из-за стачки в горячее время. Вследствие всего этого угрызения совести дают себя знать сыну нашего благочестивого купца. Дальше. У соседа нашего купеческого

сыпа на заводе во время стачки часть рабочих раньше времени вышла на работу, и успех получился неполный. Теперь эта часть рабочих чувствует угрызения совести и стыдится встречаться с товарищами. Драгунский ротмистр из карательного отряда засиделся за винтом у предводителя дворянства и не успел произвести экзекуцию в одной деревне, крестьяне которой тем временем сожгли усадьбу помещика. Ротмистр чувствует себя очень неловко. А вот еще и террорист, опоздавший вовремя выйти к проезду сановника, в которого должен был бросить бомбу. Он чувствует себя провинившимся перед товарищами по партии и перед классом, интересам которого партия служит в своей борьбе.

Во всех случаях перед нами угрызения совести, целый короб угрызений совести. Общее всем этим примерам то, что люди совершили известные поступки, увлекшись личными интересами, и теперь чувствуют свою вину. Но перед кем? Террорист перед своим классом, допустим крестьянством, ротмистр перед дворянством, фабрикант перед другими фабрикантами, рабочие перед рабочими, самоед перед своими сородичами. Каждый чувствует себя виноватым перед своим классом, которому нанес вред. Правда, у самоеда нет такого класса, он не развился среди самоедов, и ответственность он чувствует перед общиной своих сородичей, т.-е. той общественной средой, в которой живет и с которой связан материально и психологически (у самоедов сильны остатки первобытного коммунизма). Наш

благочестивый купец уже гораздо менее самоеда чувствителен к своим грехам перед обществом (мнимым или действительным, безразлично). Но он тоже помнит время, когда был простым мужиком, и его пожертвования в пользу нищих, юродивых, богадельни есть лишь слабая степень того, что делает самоед своим разделом. И даже его расходы на колокол и монастыри, поскольку это не акт компромисса с церковью, как социальной категорией, есть лишь уродливая форма той же деятельности, которую в чистом виде мы видим у самоеда. Но сын купца действует уже в среде сложившегося торгово-промышленного класса, и угрызения совести чувствует лишь постольку, поскольку приносит вред своими поступками своему классу. Ему и в голову не может притти мысль, что он может чувствовать моральную ответственность [1]) перед неимущими за свое богатство, что так отчетливо чувствует самоед, и туманные отблески чего тревожили совесть его отца. Наоборот, он употребление своего капитала на производство прибавочной стоимости считает нравственным делом, потому что этим дает «кормиться» тем же неимущим. По отношение к ротмистру, террористу, пролетариям все ясно само собой.

В общем, как правило, можно утверждать следующее. В обществах, не разложившихся на классы, отдельный человек чувствует себя ответственным за поступки перед всей общиной. Там, где из

---

[1]) Я говорю, конечно, о типичном представителе класса, а не об исключениях.

первобытной общины выделяются классы, но окончательно еще не сформировались экономически, и члены этих складывающихся классов не выработали классовой идеологии, ответственность существует или перед тем обществом, в среде которого классы формируются, или ответственность принимает разные причудливые формы, соответствующие переходному состоянию самого образующегося класса. Когда класс или классы вполне сформировались, ответственность, как правило, существует перед своим классом. Голос совести—этот голос рода, раздающийся внутри личности, эта нитка, за которую дергает род, чтобы напомнить отдельному члену об его связи с целым—этот голос в классовом обществе уже звучит, как голос класса. Затушевывать, скрывать или извращать эту истину вольно или невольно, сознательно или бессознательно заставляет всех моралистов тоже «голос своего класса». И только в интересах класса пролетариев—вывести эту истину на свет божий во всем ее объеме.

Социальный инстинкт и классовый интерес.

Но не забыли ли мы чего? В жизни нашего фабриканта, сына купца, был один случай, когда угрызение совести, испытанное им, нельзя было бы назвать голосом класса. Дело в том, что утопал как-то в реке один рабочий, наш фабрикант мог бы его спасти, плавает он недурно, но он не хотел рисковать жизнью, и утопающий утонул. Вспоминая иногда об этом, он чувствует себя не вполне

хорошо, тем более, что один его знакомый фабрикант в подобном же случае спас одного утопавшего рабочего. Знает он и обратный случай, когда рабочий спас фабриканта. И замечательно еще то, что этот фабрикант совсем не такой уж добрый души человек, и на его красильно-белильной фабрике рабочие мрут как мухи. Спасшись, он не одну сотню заставил и дальше умирать от непосильной работы в удушливой атмосфере. Да и рабочий, спасший жизнь этому фабриканту, тоже не питал к нему нежных чувств, и во время стачки, когда дети у всех мерли с голоду, не раз вместе со своей женой желали ему смерти. Как же все это объяснить?

Здесь мы должны сделать небольшое отступление.

Человек есть животное общественное, социальное. Все социальные животные характеризуются тем, что живут группами, не в одиночку, и в своей борьбе за существование помогают друг другу. Часто бывает, что эта помощь другим, всей группе, идет так далеко, что отдельный член стаи птиц, стада животных, общества насекомых погибает, спасая вид. Когда, например, на стадо буйволов нападает в степи лев, старый самец, вожак стада, вступает, обыкновенно, в единоборство со львом, погибает по большей части, но дает уйти стаду. Буйвол действует бессознательно, непроизвольно, как и все общественные животные в подобных случаях; он не может действовать иначе, как не может падающий человек не ухватиться за что-

будь, чтоб не удариться, как уклоняется невольно всякий от угрожающего его голове удара. (В другом случае вид тоже уклоняется от удара, подставляя под него одного из членов). Если бы буйвол способен был рассуждать и рассуждать так, как имеет привычку рассуждать буржуа при опасности, он бы пожалуй решил: ноги у меня крепкие, авось другие попадут на обед льву, а не я, и убежал бы. Но сила буйвола, сила всех общественных животных в том, что они не рассуждают подобно нашему буржуа-индивидуалисту (как и вообще не рассуждают, за исключением человека). Эта удивительная способность к самопожертвованию есть результат долгого развития. Те виды, где она проявлялась сильней, оказывались более приспособленными в борьбе с природой и врагами и выживали; где она была слабей, где каждый был более склонен действовать в одиночку и спасаться сам,—погибали. Так путем естественного подбора способность к самопожертвованию в пользу вида развилась и укрепилась. Это такое же полезное приобретение для общественных животных, как когти и зубы у льва, острое зрение у птиц, бивни у слона и т. д. Оно, конечно, не видно наружи, но скрыто, как возможность к действию, в каждом члене рода. Если человек при своей физической слабости победил, в конце концов, как вид, в борьбе с природой, достигнув настоящего положения, то в значительной, если не в большей степени, благодаря этой способности к самопожертвованию, или, вернее, благодаря этой спо-

собности всегда распоряжаться своими сочленами (бессознательно и для самого вида и этих сочленов) в интересах сохранения целого.

Но вот мы берем человека в период, когда люди разделены на различные племена, враждующие между собой. Социальный инстинкт принимает теперь форму племенного инстинкта. Он действует в интересах членов своего рода и против враждебных племен. Когда же среди одного народа образуются различные классы, то социальный инстинкт поступает на службу классовому интересу. Сам по себе инстинкт слеп, как и всякое непроизвольное движение или стремление. Классовый интерес открывает ему глаза, и он, так сказать, начинает смотреть на мир глазами классового интереса. Развившийся на почве взаимопомощи и сохранении вида, способствовавший спасению других членов рода в борьбе с дикими зверями и опасностями всякого рода, он направляется в классовом обществе на то, чтоб способствовать защите интересов лиц определенного класса и наносить наибольший ущерб классам враждебным. На баррикадах, где и восставший народ и защищающийся господствующий класс проявляют чудеса храбрости, *социальный инстинкт одной части общества противостоит социальному инстинкту другой.* И хотя он общего происхождения у всех людей, теперь направлен к их взаимному истреблению. Чем чаще классы вступают в борьбу, тем чаще проявляется этот инстинкт, теперь уже направляемый классовым интересом. Чем более мирной является вну-

тренняя обстановка общества, тем более он скрыт и дремлет у многих людей. В наибольшей степени этот инстинкт бывает напряжен у классов угнетенных, поднимающихся за свое освобождение. Наименее силен он там, где условия существования класса подавляют его. Например, обычная конкуренция в капиталистическом обществе, готовность каждого буржуа слопать капитал и доходы своего собрата, стремление только к своей личной выгоде, конкуренция, диктуемая интересами производственного развития на капиталистической стадии,—все это заглушает и подавляет социальный инстинкт. Но вот всему буржуазному классу угрожает опасность, его могут лишить власти и имущества, и картина резко меняется. Какой-нибудь Иван Иванович Иванов, известный в обществе лишь как азартный игрок на бирже и неразборчивый в средствах наживы по отношению к собратиям по классу, оказывается теперь вдруг в первых рядах борющихся за спасение буржуазного господства и, может быть, теряет жизнь и могущество, спасая интересы целого. А много толковавший в обычное время об интересах целого, Петр Петрович Петров может очутиться в первых рядах дезертиров. «Наших бьют»,—проносится по рабочим кварталам, и тысячи пролетариев спешат к месту действия, чтобы помочь своим.

Что движет массой в таких порывах к действию, когда все совершается с такой быстротой, при которой никто не имеет возможности обдумать положение и принять сознательное решение? Со-

циальный инстинкт, подталкиваемый в нужную сторону и направляемый классовым интересом или только, если можно так выразиться, классовым чутьем. Не раз среди наших диких предков на протяжении десятков и сотен тысяч лет раздавалось это «наших бьют», выраженное на разных языках, когда даже не было членораздельной речи, и когда какой-нибудь полузвериный крик выражал эту мысль. И люди стремились с неудержимостью стихии на помощь своим. Когда звучит этот клич в классовом обществе, каждый спешит на помощь тем, кого он считает своими, т.-е. к лицам своего класса [1]).

Но как ни сильны классовые интересы, как ни ожесточенно борются между собою общественные группы в моменты столкновения, в моменты нормального течения жизни, социальный инстинкт, где он не встречается с классовым интересом, может проявиться и как инстинкт рода. Аналогичный пример мы и объясняем теперь всем этим отступлением. Фабрикант спасает не рабочего, а человека вообще, абстрактного человека, так сказать. И для рабочего, спасающего фабриканта,

[1]) Вообще социальный инстинкт, как несравненно более древний по происхождению, чем классовый интерес, там, где последний не берет над ним верх, может, вооруженный сознанием другого класса, выступить против класса собственного. Переход к которой части лиц господствующего класса на сторону класса революционного, и эмиграция отдельных личностей из среды аристократии и буржуазии на сторону пролетариата могут быть объяснены в значительной степени, если не преимущественно, действием социального инстинкта.

важно не то, что он фабрикант, и даже не важно то, что он неважный фабрикант, а то, что он человек, член вида homo sapiens, которому угрожает смертельная опасность от внешней природы, перед которой, как перед лицом, например, диких зверей, все люди—члены одного вида.

Но измените общественную обстановку: пусть действие происходит во время гражданской войны, и посмотрите теперь на действующих лиц. Раз обе стороны нещадно истребляют друг друга, ни утопающий буржуа не получит спасения от блузника, ни сам не полезет спасать коммунара. Скорей подтолкнет еще в воду. Иначе ему пришлось бы спасти утопающего в качестве человека, и, не дав ему одеться, расстрелять тут же на берегу в качестве представителя вражеской стороны.

Социальный инстинкт мог бы послужить прекрасной движущей силой общесоциальных норм, если б общество не делилось на классы. И хотя он глубоко коренится в человеческой природе и, как всякий другой полезный инстинкт, действует иногда с непреоборимой силой, он слаб именно тем, что лишен головы. Как во-время сделанный легкий толчок может отклонить в сторону удар, наносимый с страшной силой; и не потому, что толчок силен, а потому что он умело направлен, так и классовый интерес, сильный своей сознательностью, совершенно таким же образом берет в плен инстинкт социальный, слабый своей слепотой, превращая его фактически в классовый инстинкт. Только будущее общество, освобожден-

ное от классовой борьбы и самого существования классов, сумеет использовать во всей полноте социальный инстинкт человека, являющийся одним из самых ценных приобретений его долгой истории.

Таким образом, в поисках общечеловеческой морали мы пришли к печальному результату: таковой, т.-е. практически действующей, общечеловеческой морали не оказалось. И зная действия классового интереса на сознание людей, на их поступки, с одной стороны, и зная, что поиски происходят в классовом обществе, не стоило бы даже и искать. Но если общечеловеческой морали не оказалось, то морали, выдаваемой за таковую, сколько угодно.

Но, позвольте, могут нам сказать, разве знаменитое моральное правило: «не желай другим того, чего не желаешь себе»,—не является таким общечеловеческим моральным требованием? Несомненно, это наставление является очень почтенным и по возрасту и по объему благих пожеланий, которые в нем погребены. И если б от удачно формулированного изречения зависело и проведение его в жизнь, то приведенное не оставляло бы желать ничего лучшего. Стоило бы, например, всем аристократам и буржуа не желать для рабочего класса того, чего они не желают себе, т.-е. непосильного труда, бесприютной старости, преждевременной смерти, нищеты и бесправия и т. д., а пролетариям пожелать г.г. буржуа и аристократам рабочего дня хотя бы часов в 6, социализации ору-

дий производства и пр., одним словом, всего того, что только они могут предложить самого лучшего, и чего ждут от социализма, то все бы уладилось ко всеобщему удовольствию. Но наше почтенное правило, если и служило руководством когда-нибудь, то разве лишь для лиц одного и того же класса. Вообще это чисто формальное правило или игнорирует деление общества на классы или считает его, это деление,—таким же неустранимым, как законы природы, и не думает даже посягать на него.

Таковы же в общем принципы и морального закона, формулированного Кантом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла служить принципом всеобщего законодательства». Это закон также чисто формального свойства. Посмотрим, что из него получится, если мы его наполним конкретным, т.-е. в современном обществе это значит классовым содержанием. Буржуа, типичный представитель своего класса, скажет: я нанимаю рабочих, продаю на рынке продукт их труда, имею частную собственность, обогащаюсь, считаю, что каждый должен уметь защищать свой интерес и т. д. Не только допускаю возможность, но и требую, чтобы принципы моей деятельности лежали в основе всеобщего законодательства. Рабочий скажет: все должны работать, не трудящийся да не ест; орудия производства должны принадлежать обществу; эксплоатация человека человеком недопустима; необходимо стремиться к социализму. Требую, чтоб все это легло в основу законодательства общества.

Также в духе своих классовых целей и классовых интересов высказались бы и другие классы. Что же было бы с нашим бедным «всеобщим законодательством?» Оно оказалось бы в руках того класса, который сильней и который все свое классовое законодательство — может сделать (под страхом тюрьмы и казни для непослушных) «всеобщим законодательством». И весь хваленый общечеловеческий моралистый закон Канта разлезается по швам, разоблачая лишь беспредельный мелко-буржуазный утопизм и мещанскую ограниченность его автора [1]).

Итак, мы видим, что мораль в классовом обществе является классовой. И это абсолютно неизбежно. Мораль регулирует в определенной области поведение людей данного класса или тех классов, которые находятся под властью морали господствующего класса. Мораль подчиняется общему закону зависимости идеологии от материальных условий существования класса. Было бы абсолютно невозможно и нетерпимо на сколько-нибудь продолжи-

---

[1]) Впрочем, все это не мешало формальной, сухой и постной кантовской морали играть прогрессивную роль для феодально-мещанской захолустной Германии того времени. Равенство всех перед законом, уничтожение феодальных привилегий, права личности, свобода, равенство и братство—все эти политические требования, выдвинутые французской буржуазией в открытой борьбе с абсолютизмом и церковью, сын Кенигсбергского седельника сформулировал на туманном языке морали, т. е. не в особенно опасной форме для прусского короля и земельного дворянства. Но для того времени и это было шагом вперед.

тельный срок, если б материальные интересы данного, допустим, господствующего класса и его командующая роль в производстве и распределении ограждались бы государственным аппаратом, закреплялись соответствующей системой законодательства, идеологически оправдывались в религии, философии, в науке вообще, в классово-благоприятных тонах отображались в искусстве и в то же время находились в полном противоречии с моралью. Иными словами, не может надолго продолжаться такое положение, когда мораль проповедует классу делать то, что противоречит его интересам, не согласуется с его ролью в производстве, не соответствует его исторической роли на данной ступени общественного развития. Мораль поэтому включается в общую систему идеологии и всех норм, которые находятся на службе классового интереса. Более того, если по отношению к верхушечным элементам идеологии, далеко отстоящим от экономического фундамента, можно путем анализа установить зависимость от экономического основания, то тем более в области морали, т.-е. в области норм практической деятельности, связь эта должна быть гораздо более тесной и непосредственной. По отношению к господствующему классу это совершенно ясно и очевидно. Например, если б буржуазия в период усиленного накопления и расширенного воспроизводства капиталистического хозяйства руководствовалась евангельским правилом насчет рубашки, которую рекомендуется отдать «ближнему», и вместо того, чтобы концентри-

ровать капитал для расширенного производства, раздавала бы прибавочную стоимость «неимущим», это делало бы невозможным капиталистическое производство. Такая мораль находилась бы в вопиющем противоречии не только с узко материальными интересами класса капиталистов, но и с интересами экономического развития общества на его капиталистическом перегоне. То же можно сказать про земельное дворянство в период создания крупной земельной собственности и крепостного хозяйства.

Несколько иначе обстоит дело с моралью угнетенных классов, в том смысле иначе, что здесь труднее проследить связь дежду фактически господствующей в практике класса моралью и интересами данного класса. Происходит это потому, что угнетенный класс не всегда сознает свои классовые интересы, и его действующая мораль может поэтому на определенной стадии развития класса находиться в несоответствии с его классовыми интересами. Угнетенный класс раньше складывается в класс «в себе» (an sich), т.-е. занимает определенное место в процессе производства и распределения и занимает определенное социальное место по отношению к другим классам общества и только затем, иногда путем долголетнего оформления своего классового сознания, превращается в класс «для себя» («für sich»), т.-е. в класс, осознавший свои интересы и самоопределившийся в обстановке окружающих его других классов. И вот, пока угнетенный класс еще не самоопределился таким образом, он в известный период

своего существования руководствуется не своими, ему присущими, классовыми нормами, отвечающими его классовым интересам, а идет на поводу господствующей морали, т.-е. морали экономически и политически господствующего класса.

Возьмем для примера рабочий класс на заре развития капиталистического способа производства. Как класс наемных рабочих, продающих рабочую силу капиталу, он уже существует. Но он находится еще в плену у морали буржуазного класса. Он относится к институту частной собственности на орудия производства, как к чему-то непреложному, естественному. Вынужденный своим экономическим положением применять стачку в борьбе за улучшение своего материального положения, он смотрит еще на нее, как на что-то вроде преступления и не потому только, что законодательство считает ее преступлением, но, потому, что он еще не высвободился из плена общественного мнения буржуазного класса, запуган, робок. Его травят во время стачки, как зверя, вырвавшегося из клетки, и ему самому состояние длительной стачечной борьбы кажется неестественным и нетерпимым. Он как бы чувствует моральную ответственность за простой машин, за убытки хозяину. Он еще не разделался с навязанным ему его эксплоататорами представлением, что хозяин, дающий ему работу, его кормит. В этот период он всячески ищет компромисса с моралью своих хозяев, он пытается извинить свою борьбу с точки зрения привычных для него моральных представлений своего хозяина, он

как бы просит извинения у истории за то, что он уже существует как класс. И первые робкие попытки нащупать идеологическое оправдание для своей борьбы он делает, так сказать, внутри идеологии эксплоататоров: он осмысливает свое классовое положение и формулирует свои классовые интересы в гуманных религиозных формах, используя противоречия христианского учения и христианской морали. В дальнейшем он, под влиянием практики экономической борьбы, начинает понемногу строить свои классовые нормы, но пока еще в тех пределах, в каких это нужно для оправдания стачки и для ее успешного исхода. Он уже подвергает моральному и часто материальному бойкоту штрейкбрехеров, но стачку оправдывает, исходя все еще из господствующих представлений и морали товарного хозяйства: плати за работу «справедливую плату», т.-е. в общем и целом среднюю рыночную цену рабочей силы. В этот период пролетариат еще не претендует на всю прибавочную стоимость и это очень ярко отражается на его обычной морали в этот период, например, морали среднего английского тред-юниониста, которая является, в сущности, особым «демократическим» изданием общебуржуазной морали, приспособленной для рабочего быта. И только в следующий период борьбы за власть пролетариат порывает со всей паутиной эксплоататорской идеологии и морали и начинает вырабатывать и осознавать свои собственные классовые нормы, отвечающие задачам его классовой борьбы.

Из этого примера мы можем видеть, что мораль всегда остается в классовом обществе классовой, но часто класс руководствуется моралью другого класса, которому он экономически подчинен и с идеологией которого еще не разорвал. *Поэтому для угнетенных классов их специфические классовые нормы надо искать не в период зарождения этих классов и не на первых шагах их классовой борьбы, а в период сформления класса «для себя», в период резких классовых столкновений с враждебными классами, наконец, в период господства нового класса в экономике и политике страны.*

После всего сказанного мы можем уже дать более точное и более научное определение морали по сравнению с тем, которым мы довольствовались до сих пор.

Существует ли пролетарская мораль.

Если всякая мораль является классовой моралью, если даже аморализм, т.-е. отрицание всякой морали, в обстановке классового общества, означает в сущности замену старой морали новой, которую только не называют этим именем, то естественно теперь возникает вопрос, как же обстоит дело с классовой пролетарской моралью. Во-первых, существует ли она вообще, а если существует, каково ее материальное содержание как в период до, так и после социальной революции.

Сначала надо сказать несколько слов о терминологии. Под моралью раньше, т.-е., следовательно, в огромном большинстве случаев, когда вообще

употреблялось это слово, понимали и отчасти понимают и теперь такую систему норм и правил поведения, которые признаются абсолютными и общеобязательными. То, что рекомендует делать та или иная мораль, рассматривалось не как просто нужное, полезное, целесообразное для класса, а задрапировалось туманной мифологической оболочкой. И в частности интересы всего рода, всего коллектива, всего класса давили на сознание личности не как откровенно формулированный классовый интерес и директива коллектива: делать в интересах коллектива это, не делать этого, а также в мистической оболочке «голоса совести». Это особенно ярко выступало тогда, когда личные интересы члена коллектива сталкивались с интересами целого, и полем сражения между личными и коллективными интересами было сознание индивидуума. Перед личностью стоял тогда вопрос в такой форме: нарушить или не нарушить мораль вообще, пойти или не пойти против своей совести, а не так: поступить ли с пользой для своего класса, или принести ему ущерб. Такую же мистическую форму принимала в сознании отдельного члена класса, например, угнетаемого класса, борьба его против другого класса, навязавшего первому свою идеологию и свою мораль. Это высвобождение человека от делающейся ему чуждой (т.-е. начинающей резко противоречить его классовым интересам) морали другого класса принимает в его сознании форму борьбы одной моральной истины с другой.

При таких условиях естественно возникает вопрос,—целесообразно ли пользоваться терминами мораль, этика, нравственный, безнравственный и т. д. в среде такого класса, который не только не фетишизирует своих и чужих классовых норм, а наоборот, всемерно заинтересован разоблачить мифологическое одеяние морали, где бы оно ни прикрывало весьма прозаические социальные интересы и социальные процессы.

На вопрос может быть два ответа.

Ответ первый.—Классовые нормы существовали в классовом обществе всегда. Они играли очень важную роль в социальной жизни, в частности в процессах классовой борьбы. Эти нормы облекались в мифологическое одеяние, но это отнюдь не мешало им (даже напротив) выполнять определенную функцию в обществе. Эти нормы фигурировали в мистическом одеянии и назывались моральными нормами. Но главное заключается не в том, как они назывались и как они представлялись, главное заключается в их социальной сущности. Поэтому хотя термины—мораль, нравственный и т. д. нецелесообразно сохранять даже в условном смысле классовых норм по отношению к пролетарским классовым нормам, однако нельзя сущность морали прошлого видеть только в ее мистической оболочке. Оболочка и сущность классовых норм были тогда неразрывно слиты и отделять их можно лишь логически, путем абстрактного анализа.

Ответ второй.—Классовые нормы всегда существовали в классовом обществе и будут существо-

вать, пока не исчезнут классы. Они нужны также и для пролетариата. Но сущность морали не в том, что это псевдоним классовых норм, а в том, что эти нормы фетишизированы. Как только эта мистическая оболочка срывается, классовые нормы остаются, но мораль исчезает. Мораль, следовательно, не есть система классовых норм, а элемент фетишизма в этих нормах. Эту вторую точку зрения защищает тов. Бухарин в своей книжке «Теория исторического материализма». Он пишет: «Пролетариат не может быть проповедником капиталистического фетишизма. Для него нормы его поведения есть такие же технические правила, как для столяра, который делает табуретку. Если столяр хочет сделать табуретку, он будет строгать, пилить, склеивать и т. д. Это вытекает из самого процесса работы. Он не будет смотреть на правила обработки дерева, как на нечто ему чуждое, взятое из какого-то потустороннего мира, который им повелевает. Точно также и пролетариат в своей общественной борьбе. Если он хочет добиться коммунизма, то ему нужно сделать то-то и то-то, как столяру, делающему табуретки. И все, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать. «Этика» превращается у него мало-по-малу в простые и понятные технические правила поведения, нужные для коммунизма, и поэтому по сути дела *перестает быть этикой*. Ибо самое *существо* этики в том и состоит, что это есть нормы, которые охвачены фетишистской оболочкой. Фетишизм есть *существо* этики. Там, где исчезает этот фетишизм,

там исчезает и этика. Никому не придет в голову, наприм., называть устав кооперативной лавки или партии «этическим» или «моральным», потому что здесь всякому понятен их *человеческий* смысл. Этика же предполагает фетишистский туман, в котором многие теряют дорогу. Таким образом пролетариату *нужны нормы поведения*, и притом очень отчетливые, но ему совсем не нужна «этика», т.-е. фетишистский соус к полезной еде. Само собой разумеется, что и пролетариат не сразу освобождается от фетишизма товарного общества, в котором он живет. Но это уже другой вопрос».

(Н. Бухарин. «Теория исторического материализма» стр. 278—279.) Я думаю, что нам нет никакой необходимости пересматривать терминологию по отношению к прошлому. Конечно, можно договориться понимать мораль в столь узком смысле, как предлагает тов. Бухарин. Но это не дает нам никакой выгоды. Наоборот. У нас в марксистской литературе установился со времени еще «Коммунистического манифеста» термин «классовая мораль» по отношению ко всякой морали, которая является системой норм в интересах данного класса, как бы эти нормы ни были прикрыты. Эту терминологию можно оставить. Иначе под классовой моралью нам пришлось бы разуметь не самую сущность норм, вместе с их идеологической оболочкой, а только самое оболочку, пришлось бы сказать тогда: классовая мораль — это система *прикрытия* классовых норм, а не си-

стема *прикрытых норм* [1]). Что же касается терминологии для нынешнего времени, то мы признаем вместе с тов. Бухариным нецелесообразность употребления старых способов выражения. Следовательно, рассуждая строго научно, нельзя говорить теперь о пролетарской морали или пролетарской этике, когда дело идет просто о пролетарских классовых нормах. С этой точки зрения термин «пролетарская мораль» можно употреблять только по отношению к тому периоду развития пролетариата, как класса, когда он стоял, примерно, на уровне взглядов Вейтлинга, т.-е. когда он начал сознавать противоречие своих основных классовых интересов с интересами буржуазии, когда он начал эмансипироваться в практике своей жизни и борьбы от морали эксплоататоров, но еще не научился формулировать свои интересы вне религии и вне мистических формул абсолютной общечеловеческой классовых норм, потому что пролетариат отнюдь не морали [2]).

Итак, в интересах точности научной терминологии нельзя говорить о пролетарской морали, когда мораль мы определяем как систему *прикрытых*,

---

[1]) Не надо забывать также и того, что период неприкрытых классовых норм, т. с. период, примерно, от Маркса до коммунистического общества, будет с точки зрения исторической продолжительности лишь эпизодом по сравнению с периодом прикрытых норм, который обнимает тысячелетия.

[2]) Некритическое употребление слов мораль, этика и т. д. по отношению к пролетарским нормам, есть в сущности остаток если не буржуазной идеологии, то буржуазно-феодальной терминологии. Этим несколько грешат некоторые из марксистов.

классовых норм, потому что пролетариат отнюдь не собирается и не заинтересован в создании моральных прикрытий для норм своего класса. Другое дело, если старые слова—этика, мораль и т. д. употребляются в обыденной речи только по привычке, только вследствие всегдашней консервативности языка, наконец, потому, что новой терминологии мы не придумали. Тут можно не быть особенно придирчивым и не показывать свою ученость на каждом шагу. Говорим же мы «солнце всходит и заходит» в обыденной речи, хотя, как мы знаем из астрономии, солнце не всходит и не заходит. Вероятно, эта терминология еще будет держаться известное время, тем более, что она по своей неопределенности и туманности служит убежищем для нашего языка в тех случаях, когда новые нормы складываются, но их существо и границы еще не ясны и нет для них никаких новых слов. Впрочем, ликвидация старой моральной терминологии среди рабочих пройдет скорее, потому что она не была особенно знакома рабочему языку. Слова «грех, грешно» вымирают вместе с религией, а слова безнравственно, неэтично и т. д. отбрасываются пролетарской наукой раньше, чем вошли в обиход класса.

Но, прежде чем мы перейдем к вопросу о классовых нормах пролетариата до социальной революции, нам нужно показать, что, во-первых, эти нормы вообще могут существовать, и что существует определенная область, на которую они должны распространяться.

Когда мы убираем элемент мистического, якобы общечеловеческого и абсолютного из морали с одной стороны, все ограничиваем классовыми нормами с другой—и, наконец, вспоминаем о том, что все поступки человека строго обусловлены и что свобода воли есть миф, то возникает вопрос: не миф ли и эти классовые нормы, не миф ли так называемая ответственность человека за свои поступки, хотя бы она превращалась теперь в ответственность не перед таинственным голосом совести, а прямо перед своим классом. В самом деле. Мы не собираемся распространять классовых норм пролетариата, например, на буржуазию. Это, прежде всего, бесполезно и уже поэтому было бы неумно. Упомянутый нами выше фабрикант, уступивший рабочим во время стачки, сделал это не под давлением общественного мнения пролетариата, а из личных материальных соображений. Он не только не испытывает морального удовлетворения от того, что сократил страдания стачечников, а, напротив, он чувствует угрызения совести перед членами своего класса, которые упрекают его в малодушии и измене общекапиталистическим интересам. Обращаться с моральными увещаниями по отношению к буржуа и ждать от него поступков, выгодных рабочим, но противоречащих его классовым интересам (чем занимался весь утопический и мелко-буржуазный социализм),—значит, примерно, то же, что «морально» увещевать падающий с крыши камень пощадить голову стоящего внизу человека. Но тут возникает такой вопрос. Если камень упадет

строго на основании физических законов падения тел, то не совершается ли каждый человеческий поступок по тем же железным как физиологическим, так и общественным законам. Если так—а это несомненно так, иначе мы бы допустили прорыв в законе причинности—то при чем же тут какая-то ответственность перед классом или обществом, при чем тут классовые нормы?

На этом надо остановиться. Падающий кирпич мы не можем своротить с пути его движения вниз моральным увещанием. Но можем ли мы вообще отклонить его с его пути? Конечно, можем. Для этого нужно ко всем физическим условиям, которые обусловливают его падение и направление этого падения, прибавить *новое* физическое условие, прибавить новый фактор. Иными словами, соответствующим ударом по кирпичу в момент его падения и до падения мы можем отклонить линию его движения и тем спасти стоящего внизу человека от пролома черепа. Точно так же обстоит дело и с поступками каждого отдельного человека. *Поступок, который свершился бы при данных определенных условиях, может не свершиться, если будет введено новое условие, которое начнет действовать и прибавится к тем условиям, которые до сих пор определяли поступки человека.* Нужно лишь, чтоб это новое условие представляло из себя фактор достаточной силы и могло повлиять в нужном направлении как чисто физическая сила. Может ли быть таким фактором, допустим, общественное мнение класса, к которому данный человек при-

надлежит? Общественный опыт людей показывает, что может. Если свобода воли человека есть миф— миф эксплоататорского происхождения, (отчасти поддерживаемый условиями мелко-буржуазного, индивидуалистического хозяйства), то не миф, допустим, те письма раскаявшихся штрейкбрехеров, которые «Правда» 1912—13 годов помещала сотнями на своих страницах. Не миф бесконечное количество случаев, когда общественное мнение класса определяет поступки сочленов класса, когда ожидаемое порицание товарищей по классу удерживает от совершения вредного для класса поступка (стыдно), когда ожидаемое моральное одобрение со стороны класса толкает на акты геройства в интересах класса и т. д. и т. д. Таким образом, если мы возьмем человека, который должен поступить так или иначе *с выключением* действия фактора классового одобрения или запрещения, то поступок может быть один. Если мы *включим* действие этого фактора—поступок может быть другой. Все это будет на строгом основании закона причинности. Когда физиология мозга продвинется вперед дальше теперешнего, мы сможем чисто физиологически описать социальные рефлексы человека и то, что мы называем моральным давлением общественного мнения класса на отдельного индивидуума.

Но если общественное мнение класса и те классовые нормы, которые точно и кратко формулируют требование этого общественного мнения, сами по себе являются реальной силой, то надо уста-

новить еще, в каких пределах оказывает действие эта сила. Скептическое и юмористическое отношение к морали, как к системе норм, которые предписываются, и которых никто не выполняет, складывается обыкновенно благодаря наблюдению над фактами разложения старой морали, которая уже не отвечает интересам класса и хранится по привычке, как старое тряпье. Но в это же самое время сложились обыкновенно уже новые классовые нормы, которые имеют весьма актуальное значение. Эти нормы стоят на службе классового интереса, сплачивают класс в его борьбе, связывают отдельных членов класса, как веревка связывает пучок прутьев, и заставляют отдельного члена класса подчинять его социальные поступки интересам целого. Там, где классовые нормы согласованы с классовым интересом и стоят у него на службе, там за выполнением их следит весь класс тысячами глаз и поддерживает свою мораль, как символ единства класса. На нарушителя классовых норм ополчается весь класс, он защищает посредством этих классовых норм свои настоящие и будущие интересы. И если личные интересы класса сталкиваются с его классовыми нормами, если эти нормы давят на отдельного члена, как физическая сила, и оказываются сильней его, то только потому, что весь класс и физически и социально сильней каждого отдельного человека из этого класса. В тех же случаях, когда отдельный человек или отдельная группа класса вырывается из цепей классовых норм, если последние бессильны удержать

его на линии старого, общепринятого, общеодобряемого поведения, то это бывает в том случае, когда эти протестанты либо являются первыми пионерами и защитниками новых, иначе понимаемых, но уже назревших классовых интересов, либо просто порывают со своим классом и переходят на сторону другого класса. Последнее происходит чаще всего тогда, когда происходит разложение старого класса, когда дезертирующие из этого класса примыкают к новому классу, выдвигающемуся на историческую арену и имеющему будущее. Вспомним о дезертирстве известных слоев дворянства на сторону буржуазии в периоды назревания буржуазных революций, о дезертирстве выходцев из буржуазии и буржуазной интеллигенции, переходящих на точку зрения пролетариата. И в том и в другом случае происходит не освобождение отдельных лиц и общественных групп от классовых норм вообще, поскольку еще существует классовое общество и классовая борьба, а переход их под руководство других классовых норм.

Пролетариат есть особый класс. Его интересы меняются. До завоевание власти—они одни, после завоевания ее—другие. Но и до революции и после нее он ведет ожесточенную борьбу со своими старыми врагами за свое существование, за свою победу, за строительство новой хозяйственной и социальной системы. Всякая борьба знает свои правила победы. Одним из важнейших условий победы является сплоченность и организованность класса, увеличивающие его ударную силу и подчинение

каждой отдельной человеческой силы интересам целого. В числе других скреп, делающих класс организованной армией, видное место занимают классовые нормы. Они нужны пролетариату, они существуют в период, когда он еще угнетенный класс, они меняют свое содержание, но остаются, когда он победил врагов в *первом* бою, т.-е. захватил власть, останутся, пока он будет существовать, как класс, пока не ликвидировано классовое деление общества вообще, и классовые нормы не трансформируются в общесоциальные нормы (чтоб потом быть загнанными в инстинкт).

Каково же содержание этих пролетарских классовых норм до и после пролетарекой революции?

Классовые нормы пролетариата до революции.

Рабочий класс начинает свою борьбу со своими эксплоататорами прежде всего за улучшение своего экономического положения. Уменьшить долю прибавочной стоимости капитала и соответственно увеличить долю заработной платы, уменьшить рабочий день, добиться охраны труда в производстве, отвоевать право на свободу профессиональной организации у буржуазного государства и т. д. В тех случаях, когда пролетариату в этот период приходится сталкиваться с буржуазным государством, его выступление не выходит из рамок этой самой первой и самой элементарной цели его классовой борьбы, они подчинены этой узкой цели. В этот период важнейшим орудием борьбы является для

него стачка. Поэтому классовые нормы пролетариата прежде всего строятся вокруг стачки, они диктуются целями успешной стачечной борьбы. Отдельный рабочий бессилен против своего хозяина. Все же рабочие фабрики в целом в известные моменты, прежде всего в моменты промышленного оживления, часто оказываются сильней отдельного хозяина. Реализовать эту свою силу они могут в случае конфликта, лишь при дружном и совместном выступлении. Основной стержень пролетарских классовых норм, основная заповедь стачечной борьбы и вообще борьбы рабочего: «один за всех и все за одного» складывается как раз в этот период. И уже этот принцип заключает в себе характерное отличие от буржуазной морали этого периода. Буржуазный класс организовался в это время в государство, либо подчинил своим интересам абсолютизм. Он умеет защищать интересы своего класса через орудие государственной машины. Но само развитие буржуазного способа производства на этой стадии требует широкой свободы конкуренции. «Думай каждый о себе»—таков лозунг конкурирующего со своими собратиями по классу отдельного буржуа. Этот индивидуалистический лозунг составляет полную противоположность вышеприведенному принципу коллективной пролетарской борьбы. Отсюда и страшная ненависть рабочих к штрейкбрехерам, к любимчикам хозяина, играющим роль шпионов, к мастерам и надсмотрщикам за рабами фабрики, ненависть ко всем, кто расстраивает единый пролетарский фронт

и передается на сторону классового врага. Общественное мнение рабочего класса осуждает не только постоянных штрейкбрехеров, но и тех из стачечников, которые не выдерживают голода и нужды и соглашаются встать на работу против общего решения. Отсюда, наоборот, всяческое одобрение, поощрение и моральная и материальная поддержка тех наиболее решительных и стойких рабочих, которые выступают руководителями стачки, формулируют их интересы, «режутся» с хозяином насчет каждого пункта выставленных требований, вылетают потом за это с предприятия, попадают в тюрьму и т. д. Такие люди нужны рабочим, общественное мнение рабочего класса поддерживает их, вдохновляет на подвиг, и когда они идут в тюрьму и в ссылку, провожаемые презрением обывательского буржуазного общественного мнения, рабочие смотрят на них, как на своих лучших людей, поддерживают их семьи и т. д. Часто стачка после удовлетворения всех требований продолжается только из-за того, что тысячи человек требуют приема обратно на фабрику нескольких человек руководителей, рассчитаных предпринимателем. «Один за всех и все за одного».

Уже на этой стадии борьбы рабочий класс на практике начинает обходить ходячие правила хозяйской и мелко-буржуазной морали, он начинает использовывать инструмент лжи и обмана хозяина для поддержки своего товарища по классу. Если безработному, плохо знающему мастерство, нужно поступить на работу и сдать пробу, ему делают

эту пробу за спиной мастера квалифицированные рабочие и этот обман считается вполне законным и правильным в рабочем быту. Так же обстоит дело во всех других случаях, где можно обмануть хозяина, сдать брак за хорошую работу, сдать номер при входе на работу и улизнуть с завода до смены и т. д. Наоборот, отношение ко всем этим поступкам меняется отчасти лишь тогда, когда сам профессиональный союз начинает в общих интересах отвечать за работу своих членов, и такое поведение отдельных рабочих может сорвать общее, выгодное для них соглашение.

В это время складываются также основы бытовой пролетарской взаимопомощи. Про фабриканта, разорившего своей конкуренцией других фабрикантов, в буржуазном кругу говорят: «молодец». Про рабочего, получившего личную выгоду за счет товарищей по классу, в среде последнего скажут: «мерзавец». Взаимопомощь между конкурирующими буржуа есть исключение. Взаимопомощь в пролетарском быту складывается, как общее правило. Безработным помогают, помогают устраиваться на работе, кормят их семьи и т. д. Эта взаимопомощь принимает организованные формы. Создаются различного рода общества и кассы взаимопомощи за счет заработной платы, когда еще рабочий класс недостаточно силен, чтобы заставить государство перенести часть этих издержек на хозяев.

Правила пролетарской борьбы начинают складываться в систему пролетарских норм, основной

капитал которых создается уже в этот период. Создаются профессиональные и иные экономические организации пролетариата, при чем часть этих классовых норм превращаются в писанные нормы, заносится в уставы пролетарских организаций, так сказать, материализируется; большая же часть остается не записанной, но твердо укрепляется в сознании класса, передается с детства молодому поколению подростков, входит в плоть и кровь рабочей массы. В это же время на службу экономической борьбы поступает и доисторическое наследство человека, социальный инстинкт. Этот капитал, эти скрытые социальные рефлексы извлекаются из глубин и подпирают рабочую массу в наиболее тяжелые моменты ее борьбы. Этот инстинкт еще гулял на воле, когда приходилось предкам современного рабочего действовать скопом. Он прорывался наружу, как стихийная сила неведомого происхождения, когда предки английских рабочих громили дворян под руководством Тайлора, он усиливал дерзость и спайку мужицких масс, вешавших помещиков во время Пугачевского восстания, он сослужил службу в буржуазных революциях, в моменты массового действия он просыпался на войне, но он тихим порохом, отделенным от искры огня, лежал под спудом в период индивидуального мелкого хозяйства. И вот теперь, когда миллионы людей объединены большими массами в стенах фабрик, когда напор массой, защита и нападение массой делается все чаще и неизбежнее, это—самое человеческое начало из нашего

звериного прошлого снова призывается к жизни и откликается на зов.

Стачечники собрались на сходку. Надо обсудить условия капитуляции. Дольше держаться нет сил. Каждый рабочий в отдельности за себя решил, что больше невозможно терпеть, надо сдаться. Собрались, загудели, почувствовали силу, кто-то крикнул: «помрем, а не сдадимся». И по всем прошла какая-то волна новой силы, нового порыва к борьбе, новой твердости. «Не сдадимся» — ревет масса, и каждый возвращается домой с твердым намерением продержаться. Борьба продолжается...

Когда рабочее движение перерастает рамки экономической борьбы, когда на горизонте все чаще и неотступней вырисовываются новые, более широкие цели, когда на очереди борьба не за кусок прибавочной стоимости, а за ее уничтожение, за уничтожение всей системы эксплоатации, борьба за рабочую власть, за социализм—тогда расширяются и делаются богаче социальным содержанием классовые нормы пролетариата. Цели класса формулируются в программе рабочей партии. Методы организации и борьбы отчасти формулируются в ней же. Но многое остается попрежнему незаписанным. Классовые нормы чем дальше, тем больше начинают выстраиваться под эту главную цель борьбы рабочего класса. Правда, активным и сознательным остается меньшинство, оно иногда отрывается от всей массы, которая еще не доросла до своего авангарда. Но существо дела от этого не меняются. *Те нормы, которые обеспечивают*

наиболее полный успех в борьбе за власть целого, они и есть наиболее важные нормы пролетариата, хотя бы вся масса класса не доросла до ясного понимания своих классовых задач и не поднималась до героизма в борьбе за их осуществление. Но в свое время это все приходит.

До того же класс, как целое, представляет его авангард, его передовое меньшинство. Оценка деятельности отдельных членов класса и самого класса, в целом с точки зрения его норм в период борьбы за власть подчинена главной цели этого периода. Рабочий делает хорошо, когда стойко отстаивает свои требования в стачке вместе со всеми, но лучше, если он не ограничивается только борьбой от случая к случаю, но и состоит членом профсоюза. Еще полезней для класса, если он не только состоит членом и платит аккуратно взносы в кассу, но принимает активное участие в профессиональном движении, вербует новых членов в организацию и т. д. Еще более полезно для класса, если он не только активный работник профдвижения, но и член партии. Его заслуги перед классом еще выше, если он не задумается в интересах класса пойти за партийное дело в тюрьму, в ссылку, и еще выше, если «жертвует» своею жизнью за общее дело на баррикадах или гражданской войне. Но отдельные героические одиночки из рабочего класса и даже целые слои передовиков не могут победить за весь класс. Победить может в решающей борьбе только вся масса. Поэтому наивысшим требованием классового интереса рабочих и их классовых норм

является требование того, чтобы весь класс мог бросить себя на достижение своей цели, подчинить всю свою деятельность интересам борьбы до полной победы. Это мы видим в моменты величайшего напряжения классовой воли, в моменты массовой пролетарской революции.

Таковы классовые нормы пролетариата этого периода. Эти интересы требуют, чтоб отдельный член класса смотрел на себя, как на орудие борьбы всего рабочего класса. Эти интересы требуют, чтоб, когда нужно, гибли целые группы передовиков, пробивая дорогу другим, чтоб, когда наступит момент, весь пролетариат бросил бесстрашно тело своего класса на штурм капиталистических окопов.

Хваленый теоретик мелко-буржуазной морали Эммануил Кант выдвинул в свое время моральное требование: никогда не смотри на другого человека, как на средство к цели, а всегда—как на самоцель. Над этим и над другими принципами кантовской морали проливали много слез умиления сантиментальные мещане всех стран, расценивая их, как основные требования «общечеловеческой морали». Находились юродивые, считавшие себя марксистами, которые пытались соединить в этом пункте Канта с Марксом, пытались объединить теорию и практику научного коммунизма с этой заповедью мелкого буржуа, возведшего требование индивидуалистически настроенного мещанина: «не тронь меня» в моральную догму. Можно себе представить, как далеко ушел бы пролетариат в своей борьбе, если б руководствовался этим, а не совсем

противоположным требованием в своих классовых интересах.

Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден. Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса. Высшая мудрость пролетарской борьбы состоит не в том, чтобы каждый ковырялся внутри своей собственной личности и декламировал насчет ее прав, а в том, чтоб каждый умел беззаветно, почти стихийно, без фраз и излишних жестов, не требуя ничего лично для себя, влить всю свою энергию и энтузиазм в общий поток и пробиться к цели со своим классом, может быть, свалившись мертвым по дороге.

На севере Сибири бывает, что громадное стадо оленей переходит широкую реку. Перейти на тот берег необходимо для спасения от голода всего стада. Но река глубока и мост наводит социальный инстинкт стада трупами передовых. Пролетариат только тогда реализует полностью все силы своего класса, когда каждый отдельный член классу будет готов, когда нужно, бросить свое тело на постройку моста, по которому весь пролетарский коллектив перешагнет в общество будущего.

Классовые нормы пролетариата после завоевания власти.

Пролетариат у власти. Он достиг той из своих целей, которой была подчинена его борьба и слагавшиеся в процессе этой борьбы классовые нормы. Теперь положение существеннейшим образом изме-

нилось. Поскольку чисто политическая борьба еще не кончилась и перенеслась территориально на другую арену, остаются в силе все те нормы и все те навыки, которые нужны для сплочения класса и дальнейших побед. Но часть этих норм уже закреплена в законодательстве Советского государства, превратилась в советское право. В то же время созданные им боевые классовые организации, профсоюзы и партия также отчасти превратились в столбы его государственного здания. Но в новых условиях его нормы пополняются новыми образованиями. Какие это новообразования?

Начнем с трудовой дисциплины. В буржуазном обществе рабочий не заинтересован в поднятии производства и увеличения выработки за ту же заработную плату. Больше он выработает, больше получит хозяин, больше растратит на роскошь, больше отдаст буржуазному государству и его прихлебателям, больше сгноит при промышленном кризисе перепроизводства, больше загубит, наконец, бессмысленно в очередной империалистической войне. Откуда здесь взяться трудовому энтузиазму, откуда и зачем могли бы возникнуть самопроизвольные трудовые нормы у работающего пролетариата при капиталистическом строе? Даже в тех редких случаях, когда у трудящихся просыпается непроизвольно энтузиазм к труду [1]), этот предвестник будущего свободного труда всех для

[1]) См. прекрасное описание одного из таких эпизодов в „Автобиографических рассказах“ Горького. („Красная Новь“, март, стр. 15).

всех, им еще ясней практическая бесполезность этого порыва перед лицом эксплоататорских пиявок, в карманы которых неизменно текут все плоды бескорыстного трудового вдохновения. Рабочему приходится тогда не вырабатывать свою собственную добровольную дисциплину труда, а обороняться от навязанной ему извне принудительной трудовой дисциплины. Она поддерживается капиталистом и посредством подчинения работника надзору надсмотрщиков всякого рода, и системой заработной платы, и заинтересованностью в прибылях предприятия, и увольнением за небрежность в работе и т. д. Но капиталистическое общество не довольствуется этим: оно пытается залезть в душу рабочего и посадить там у него внутреннего надсмотрщика в виде принципов своей морали, принципов своих хозяйских взглядов на производственный процесс и на обязанности рабочего. И за-границей капиталисты достаточно успели в этом деле. Стоит лишь вспомнить о психологии среднего английского трэдъюниониста или члена американской Гомперсовской конфедерации. С этой стороны сознание рабочего в капиталистическом обществе представляет из себя постоянное поле сражения между нормами и представлениями, навязываемыми пролетарию буржуазными эксплоататорами, и нормами, которые диктует ему его классовый интерес, не считаясь с тем, как это отразится на производстве. Когда же пролетариат становится у власти, когда он с чувством глубочайшего облегчения освобождается от капиталистиче-

ских норм и всего буржуазного наследства в этой области, он немедленно должен перейти к выработке своих собственных классовых норм, регулирующих хозяйственный процесс на заводе и в цехе. Отношение к хозяйственному процессу теперь у него меняется в корне. Стачкой он добивался для себя большей доли из продукта своего труда. Теперь большую долю он может получить, если сам больше создаст. Отношение к стачке меняется также. Теперь стачка рабочих на предприятиях рабочего государства недопустима. Нормы, создавшиеся вокруг стачки, энергия, которая шла на этот способ борьбы, трансформируются в корне. Там, где для улучшения жизни рабочих служила стачка, теперь должна служить новая, добровольная, освещенная классовым сознанием общетоварищеская трудовая дисциплина. Эта дисциплина у нас родилась уже; она развивается и крепнет; она должна распространиться не только на всех рабочих, но и на всех служащих, специалистов и т. д. Эти слои должны подчиняться производственным нормам рабочего класса. Трансформируются все отношения рабочего к имуществу фабрики, которая теперь рабочая, к аккуратности и точности в работе, к прогулам и т. д. Уже теперь в Советской России отношение нашего рабочего к своей фабрике и к результатам своего труда сильнейшим образом отличается от того, что наблюдается на капиталистических фабриках за границей.

Но этот процесс изменения норм рабочего-раба в нормы рабочего-хозяина происходит не сразу и

требует известного времени. Старые привычки и представления будут давать о себе знать не один год после победы пролетарской революции. Вот один красочный пример такого рода. В Москве на одной портняжной фабрике заведующий фабрикой при переработке новой партии сырья, требовавшей в одном отделении более высокой квалификации, заменил там одного работника другим, более подходящим. Тогда этого последнего часть рабочих назвала штрейкбрехером. Я не буду здесь рассказывать, чем кончилось это весьма интересное с принципиальной стороны дело, но из сказанного уже видно одно: как силен еще автоматизм старых пролетарских норм, представлений и способов выражения, в какое резкое противоречие со всем строем нашей государственной промышленности вступают эти старые представления. Ведь теперь штрейкбрехер, с точки зрения общепролетарских интересов, это тот, кто портит производство, штрейкбрехер в обстановке пролетарской власти превратился в «трудбрехера». Таковым же в нашем примере является отнюдь не второй рабочий.

В непосредственной связи с этим вопросом стоит также более общий вопрос о формировании нового человека для нового общества. Советская Россия вплотную подошла к этому вопросу. Перед какой огромной проблемой мы здесь стоим, показывает опыт военного коммунизма и Нэп'а. Стимулами к труду в капиталистическом обществе, как мы уже говорили, является для рабочего и служащего кроме общеэкономического принуждения (не

пойдешь на фабрику работать—с голоду помрешь) соответствующая система заработной платы. Рабочий капиталистической фабрики, как правило, мелко-буржуазного происхождения. Если он сам в большинстве сын или внук рабочего, то прадед его почти всегда бывший ремесленник или разорившийся крестьянин. Капиталист поощряет в нем чисто индивидуалистические стимулы к труду (больше заработаешь — больше получишь), и поскольку развитие техники не препятствует этому, он в основу трудового нажима на рабочего кладет сдельную заработную плату. Поэтому рабочий класс входит в революцию и начинает строительство нового хозяйства, будучи глубоко испорченным капитализмом в этом отношении. В сущности, капитализм не столько сам создал индивидуалистические стимулы к труду, сколько использовал мелкобуржуазное наследство в психике самого рабочего. Эти стимулы к тому же гармонируют со всей социальной психологией и бытом капиталистического периода вообще. С этим-то наследством нам пришлось налаживать хозяйство в период военного коммунизма. Многие неудачи наши тогда объяснялись военными и экономическими причинами, но одну из главных причин надо видеть также и в том, что за новое хозяйство, на основе новых принципов взялся старый человек. Прыжок же сразу вперед был сделан огромный и быстро подогнать психику старого рабочего к новому строю мы в год—два не могли. Между тем как только пролетариат начинает строить свое государственное хозяйство,

ему нужен не просто рабочий, не старый рабочий, а рабочий государственного хозяйства, служащий и инженер государственного хозяйства. Вспомните, что получилось, когда от рабочих и служащих потребовались совершенно новые, коллективные стимулы к труду, а они могли предложить лишь старое барахло, оставшееся от старого режима, от разрушенных прежних отношений? Вспомните, как неуютно, грязно было в каком-либо распределителе Наркомпрода, как грубо обращались с публикой служащие, как расхищали государственные запасы. А почему? Старые стимулы к труду остались неиспользованными, они оказались ненужными и вредными, а новые еще не создались. Старого хозяина прогнали, а новый коллективный хозяин еще как следует не пришел. Сознание общего интереса было слабо, оно не могло побороть и заменить старые навыки, индивидуалистические стимулы при распределении, «не мое дело» при работе. Новые формы производства и распределения оказались в вопиющем противоречии со старой психикой и старыми привычками. Как-будто к рулю автомобиля посадили не шоффера, а впрягли в машину пару быков.

Но зато как все изменилось, когда начался Нэп! Как вежлив приказчик в магазине нэпмана или М. П. О., который отталкивал вас своею грубостью и несознательностью в распределителе Наркомпрода! Как безучастен, ленив, высокомерен был он у последнего и как предупредительно вежлив теперь. Как быстро «коммунистическая» грязь и

пыль сменилась буржуазной нэповской чистотой и аккуратностью. Что же произошло? На-ряду с прочим и то, что военный коммунизм не мог опереться на те стимулы к труду, которые еще не пустили корней в рабочей массе, старые же стимулы губили дело, стояли ему поперек дороги. Наоборот, Нэп установил смычку с этими старыми стимулами и поставил их себе на службу. Поэтому машина так хорошо завертелась с тем же людским материалом. Но тогда ведь выходит, что эта машина-то как-будто бы буржуазная?

Да, она во многом старая, но во многом и новая. При Нэп'е государственное хозяйство в известной мере может опереться на старые стимулы к труду, потому что оно само и во многом другом работает капиталистическими методами. Но уже теперь, а в еще большей степени в ближайшем будущем государственное хозяйство не сможет развернуть всех своих выгод, свойственных объединенному хозяйственному кораблю социализма, и не сможет начать душить капиталистические ростки, если не будет обладать кадром новых людей, которые могут вести именно государственное хозяйство и работать в нем. Уже теперь мы не можем быстро продвинуться в некоторых областях, например, в государственной торговле, где все экономические преимущества на нашей стороне, прежде всего из-за недостатка кадров новых, не развращенных капитализмом и в то же время знающих дело работников. Индивидуальные стимулы, эти заскорузлые, жалкие стимулы прошлого, за которыми чудится мещанин с выпу-

ченными от испуга глазами за «мое», эта приманка досоциалистического человека, которого гегелевский «List der Vernunft» (хитрость абсолютного разума) загонял на работу пряником под носом, как заманивают в хлев корову,—эти индивидуальные стимулы должны смениться сознанием общего интереса и способностью работника впитать это сознание в качестве почти стихийного, коллективного стимула к труду на новых началах. Конечно, это не удастся сразу. Индивидуалистические стимулы будут отмирать постепенно. Известное время будут существовать комбинированные индивидуально-коллективные стимулы. Это отразится и на системе заработной платы. Рабочий будет получать за индивидуальную перевыработку больше, а вся фабрика за коллективную перевыработку из фонда премирования еще дополнительно. В дальнейшем фонд премирования или новая плата в другой форме будет чем дальше, тем больше оттеснять старую форму и это будет итти одновременно с воспитанием в рабочем классе коллективных стимулов к труду. Весь этот процесс пойдет тем быстрей, чем скорей наша рабочая молодежь выработает в себе, благодаря новой системе воспитания, и по мере сознания своих исторических задач, совершенно новое отношение к труду в своем государстве и чем скорей она, если употреблять старое слово—усвоит новую производственную мораль. Молодежь должна помнить, что на нее здесь главная надежда. Взрослое поколение слишком испорчено капитализмом и привыкло к старому. Мне кажется даже, что,

напр., и члены коммунистической партии, какую бы великую историческую роль они ни играли в период пролома капиталистической стены и как ни велика будет их роль в ближайшие три-четыре десятилетия,—даже они глубоко испорчены уже капитализмом и представляют из себя никуда негодный материал для чисто коммунистической стройки. (Счастье их, что они не доживут до коммунизма и сойдут поэтому в могилу революционерами и героями.)

Но как бы далеко мы ни погрязли в прошлом в смысле психологии, новые экономические отношения делают свое дело. Отсталая психика рабочего, которая медленно ковыляет за техникой и экономикой и тормозит их бег вперед, начинает понемногу выравниваться под структуру государственной промышленности. Чем дальше, тем больше самые широкие слои рабочих масс начинают с величайшим вниманием следить за тем, как работает их предприятие, выполняет ли производственную программу и т. д. Они начинают чувствовать себя хозяевами и это ведет к резким изменениям в общественном мнении рабочего класса, поскольку дело касается таких явлений, как самовольное расхищение заводского имущества, прогулы, надувательство администрации с целью больше получить, наконец, оценка качеств директора (какой лучше). Раньше общественное мнение рабочих мирилось с расхищением, особенно при обострении продовольственного положения; все покрывали друг друга при нарушениях трудовой дисциплины. Лучшим

директором был тот, который на все это смотрел сквозь пальцы и потакал массе во всем. Теперь все в корне изменилось. Общественное мнение среднего рабочего уже осуждает все нарушения трудовой дисциплины, небрежное или преступное отношение к имуществу и т. д., потому что все это может поставить под удар все предприятие. Лучшим директором теперь считается тот, кто лучший хозяин, кто лучше ведет производство, кто бережет фабрику. Этот переворот в общественном мнении, с которым связан переворот в нормах поведения, имеет колоссальное значение. Строительство социализма в той его части, где дело идет о человеке, о его привычках, инстинктах, классовых нормах, — это строительство начинается именно с началом этого переворота в психологии среднего рабочего массовика. Теперь промышленность рабочего государства начинает приобретать рабочего, которого она заслуживает, без которого она не социалистическая промышленность. Разумеется, после пролетарской революции на западе этот процесс подгона человеческого материала под исторически более высокую систему хозяйства будет протекать быстрей и естественней, чем в нашей крестьянской стране, где процент чистого наследственного пролетариата в сравнении с недавними выходцами из деревни — невелик.

Создание нового человека для новой системы хозяйства в России должно означать одновременно перерождение национального характера русского человека, по крайней мере, на пролетарском участ-

ке. Это относится не только к приемам труда, но и ко всему быту. Современный тип русского рабочего есть в сущности продукт крепостного права, несколько исправленный российским капитализмом. Наш жалкий капитализм не смог настолько переродить характер нашего рабочего—вчерашнего крестьянина, чтоб он больше соответствовал запросам крупной промышленности и ее высокой технической базе. Этот процесс в самом разгаре был пресечен войной и революцией. Эту работу приходится доделывать новому строю. Эта переработка характера должна итти прежде всего под дисциплинирующим прессом «царицы машины». В этом советский период будет лишь автоматически продолжать работу капитализма. Наоборот, поскольку раньше перевоспитание происходило под прессом хозяйского наблюдения и давления, а теперь такого пресса нет, здесь на смену выступает особый фактор. Хозяйский пресс сменяется процессом перевоспитания всей рабочей массы давлением ее передового авангарда, который ставит себе задачей подтянуть к себе всю массу, который перевоспитывается сам на основе сознанной социальной необходимости такого перевоспитания. Это перевоспитание уже происходит не только как незаметный молекулярный процесс: наоборот, «старому человеку» объявляется открытая война. Пройдет немного времени, и общественное мнение рабочего класса в результате этого великого сдвига будет преследовать вплоть до бойкота всех, которые посмеют, скажем, на 15—20-м году пролетарской дикта-

туры благоухать на работе и в общественной жизни всем ароматом старого русского характера: ленью, разгильдяйством, неточностью, беззаботностью насчет будущего, неисполнением взятых на себя обязательств, враньем по отношению к товарищам по классу и т. д. Все эти качества не мирятся ни с электрификацией и техническим прогрессом крупного производства вообще, ни с социальным бытом нового работника на основе более высокой формы хозяйства и более высокой техники.

Необходимо здесь сказать несколько слов об обмане и лжи.

Ложь и обман являются часто весьма необходимым орудием в борьбе угнетенного класса с врагами. Достаточно напомнить, что вся подпольная работа революционных организаций покоится на обмане окружающих и правительственной власти. Для рабочего государства, со всех сторон окруженного враждебными капиталистическими государствами, ложь в иностранной политике бывает нередко необходима и полезна и т. д. Поэтому рабочий класс и его партия ко лжи и открытому признанию права на ложь относится совсем не так, как какая-либо мистрисс Сноуден и другие благочестивые мещане, систематически надуваемые и оставляемые в дураках представителями крупного капитала. Эти господа, как и аналогичная с ними и довольно распространенная порода мелко-буржуазных «социалистов», всегда за «правду», всегда за «честность». Они забывают лишь, что можно обманывать рабочий класс, оставаясь лично честным.

Быть честными с буржуазными жуликами и прохвостами в политике и, считая себя верхом честности, при этом социально обманывать, т.-е. подставлять под удары врагу, представляемый тобою класс—вот верх социальной мудрости этих господ, вот цена их честности и их отвращения ко лжи. Они отвертываются таким образом от исторической правды о лжи, предпочитая ей ложь о правде, убаюкивающую их мещанскую душу. Мы стоим в этом вопросе таким образом совсем на другой позиции.

Но ложь превращается во вреднейшую привычку в общежитии и во всей общественной работе, когда она не только не вызывается интересами классовой борьбы, а наоборот, вносит разложение в рабочий класс. Будущее принадлежит, разумеется, правде, поскольку будущее принадлежит внеклассовому, а не классовому обществу. Ложь есть продукт порабощения человека человеком,—продукт классовой и групповой борьбы. Она исчезнет вместе с делением общества на классы. Но уже и до этого момента ложь должна быть изгнана из взаимоотношений внутри рабочего класса и тем более из взаимоотношений коммунистов друг с другом.

Недопустимо в групповых интересах использовать ложь внутри партии так же, как мы используем ее в борьбе с нашими классовыми врагами; это разлагает партию изнутри и ослабляет ее боеспособность. Производственный вред от лжи слишком очевиден, чтоб на этом долго останавливаться. Хорошо организованное изнутри государственное хозяйство нельзя построить, если не будет из всего

механизма и его колес удален этот вреднейший песок, тормозящий беспрепятственный ход машины. А так как перевоспитание всего рабочего класса должно начинаться с его авангарда, т.-е. с коммунистической партии, то война лжи и обману во внутриклассовых отношениях должна начинаться с ликвидации остатков этого качества внутри самой коммунистической партии. Одно дело — бросать песок и пускать пыль в глаза своему классовому противнику; другое дело—пускать эту пыль своим товарищам по борьбе.

Между тем ложь в ее изживших себя вредных проявлениях глубоко проникла в наш национальный характер. В нашей литературе уже достаточно много писалось, что русский человек врет слишком много, врет без нужды для себя и с огромным вредом для других. Для русского крепостного мужика ложь была орудием защиты против барина и царской полиции. И барин, и царь, и буржуазное господство похоронены, но привычка лжи в национальном характере, воспитанная всем прошлым, еще осталась. Здесь надо много и долго «мыть, скрести и подчищать», как по другому поводу выразился как-то тов. Ленин. Маленький пример из жизни. Вы идете по улице и спрашиваете у проходящего, как пройти туда то. Тот, кого вы спрашиваете, сам как следует не знает, но прикидывается, что знает, и направляет вас в противоположном направлении, отнюдь не думая сознательно вам вредить. И так в целом ряде областей. Таким образом внутри государственного аппарата

составляются у нас «справки», цифровые таблицы и т. д. Такое высасывание из пальца и обман даже часто без корыстных намерений—явление обыденное, оно связано с отсутствием чувства ответственности за свои слова, за свои обещания, сообщения и т. д., и наносит огромный вред во всем нашем строительстве. Может показаться чудовищным, но это факт: если б теперь в советской России образовалось специальное общество, члены которого поставили бы себе задачей говорить правду, честно выполнять взятые на себя обязательства и внедрять эти принципы в широкие массы, то это общество нашло бы богатейшую почву для своей работы и сослужило бы большую службу в деле воспитания нового советского человека, на которого сейчас предъявляет колоссальный спрос новая система хозяйства.

Начавшееся перерождение типа нашего рабочего в случае быстрых успехов в этом направлении приведет и *приведет снизу* к благодетельному перерождению всего нашего государственного аппарата. В частности, только давление общественного мнения рабочего класса на массу служащих и одновременно широкое движение навстречу этому из среды самих служащих может ликвидировать всю азиатчину и царское наследие в нашем государственном аппарате и прежде всего ликвидировать самое отвратительное, позорящее, унижающее всю Республику явление: уничтожить взятку. Административная борьба с этим злом никогда не приведет к полному успеху, если взятка на-ряду со

всеми перечисленными наследиями позорного прошлого не будет окружена и сжата со всех сторон и выброшена из рабочего государства вновь слагающимся и крепнущим пролетарским общественным мнением, которое распространит свои нормы поведения на все, работающее под крышей советского государства. Добросовестность и точность в работе, точность во взаимоотношениях работников нового строя друг к другу и к своему государству *производственно необходимы*; переворот здесь нужен, он назрел. Теперь прямо в золотой валюте и в десятках миллионов рублей можно подсчитать те убытки, которое терпит государственное хозяйство во всех своих областях от слишком медленного роста и воспитания нового человека [1]). Здесь главное слово за нашей молодежью. Именно она, не развращенная капитализмом и получившая первые уроки социального воспитания под треск романовского трона и гул нашей красной артиллерии, с той же энергией и тем энтузиазмом, с каким она шла на окопы белых, ринется скоро на помощь нашей промышленности и нашему государственному кораблю, чтоб вышибить оттуда романовское и колупаевское

---

[1]) Товарищ Троцкий чрезвычайно ярко и убедительно показал в своих речах и статьях, как от небольших неточностей, как от пренебрежения мелочами проигрываются сражения. Следовало бы подсчитать, сколько ежегодно теряет Республика на так называемой нашей „халатности“ и не достаточна ли теряемая сумма для покрытия дефицита в нашем бюджете и для стабилизации рубля.

наследство и, поддерживая друг друга и связываясь друг с другом принципами социалистического труда и социалистическими стимулами к труду, сразу подвинуть вперед нашу замешкавшуюся стройку. Она должна помнить, что многие из взрослого поколения уже безнадежны, их переучивать и перевоспитывать уже поздно. Драгоценные реликвии из эксплоататорского строя, от которых они не в силах отказаться, они понесут с собой в могилу.

Но общественные связи рабочего не ограничиваются его отношениями к своему государству, к своей промышленности, к своим товарищам в процессе труда и в общественной работе. Он сталкивается уже в границах советского государства с другими классами, прежде всего с наиболее близким к нему классом—крестьянством. А с другой стороны он сталкивается с такими общественного характера вопросами, как вопросы семьи, половой вопрос, задача сохранения расы. Как должно обстоять дело с нормами пролетарского класса во всех этих областях?

Что касается других классов, то, например, с нэпманом мы можем покончить скоро. Он может быть спокоен: на него классовые нормы пролетариата не распространяются. Мы должны заставить его повиноваться пролетарскому государству путем внешнего принуждения, беспощадно подавлять его сопротивление и не питать никаких надежд заставить его работать на рабочее государство по совести. С точки зрения своих, т.-е. буржуазных

норм, с точки зрения своей морали он прав, когда обкрадывает советское государство и создает условия для капиталистической реставрации. Думать о том, чтоб его приручить, значит заниматься вредной маниловщиной и давать ему только возможность больше красть у нас и нас обманывать. Это враг. С ним будет и покончено в конце концов, как с врагом.

Другое дело стомиллионная крестьянская масса. С этим классом рабочему придется жить бок-о-бок десятки лет. Без кооперирования крестьянского хозяйства невозможна в широких размерах социализация земледелия. С ростом промышленности крестьянская молодежь будет неиссякаемым резервом для самого пролетариата как класса. С другой стороны, именно в виду предстоящего длительного сожительства этих двух классов необходим не только хозяйственный переплет крестьянского хозяйства с государственным (смычка), но и известная слаженность в области социальной психологии. Рабочий класс весьма заинтересован в том, чтоб и крестьянство приняло деятельное участие в улучшении государственного аппарата и смотрело на него, как на свой аппарат. Поэтому и по другим еще причинам перевоспитание крестьянства пролетариатом, как более передовым классом, приобретает огромное значение. Мы должны оторвать от мелкого производства и заскорузлой и ограниченной мелкобуржуазной психологии все наиболее талантливое, чуткое, социально-передовое и жизненное, что есть в крестьянской массе. Рабочий класс

вместе с тем заинтересован в том, чтоб давление его общественного мнения, воспитательное и организующее давление этого общественного мнения распространялось постепенно также и на крестьянские массы. И хотя распространение пролетарских норм на крестьянство там, где это будет ясно противоречить классовым интересам последнего, является делом безнадежным, однако оно не является безнадежным *всегда и на весь период существования этого класса*. Наоборот: из истории других классов мы знаем, что господствующий класс может подчинять своему идейному влиянию, своей культуре и своей морали не только отсталые классы, но даже целые группы более передового, но еще не проснувшегося и социально не самоопределившегося класса. Вспомним, как держал на вытяжку перед собой дворянский класс в период своего блеска и силы другие общественные слои, как им совершенством казался этим другим быт и культура дворянства и аристократии, как добивался в переднюю этой культуры даже чумазый, хотя исторически он представлял более высокий способ производства. Далее вспомним, как эмигрировали наиболее прогрессивные элементы дворянства в лагерь буржуазных вольнодумцев. У нас в крестьянской стране с диктатурой пролетариата все это также будет иметь место, но только, разумеется, в других формах и в гигантских размерах, потому что дело будет итти о десятках миллионов. И у нас будет при быстрых успехах промышленности повальное бегство в города лучшей крестьянской молодежи,

и у нас пролетарская культура победившего и *на экономическом фронте* рабочего класса будет манить к себе самые подвижные, социально-чуткие слои деревни, которые будут стыдиться своего варварства, и с серпом в руке, либо бросив его совсем, будут догонять далеко рванувшийся вперед молот. Тогда рабочий класс превратится в законодателя над деревней и в области своих классовых норм и на этом участке пожнет плоды, взращенные его победоносной промышленностью.

Так будет. Пока же дело идет о привлечении на сторону пролетариата лишь передового меньшинства деревни. Это лишь ручейки, лишь первые предвестники тех потоков, которые потекут в пролетарскую реку с крестьянских полей тогда, когда крестьянство, как класс, и весь теперешний крестьянский быт будет подточен с корня новой экономикой.

Перейдем к следующим вопросам.

Не являются ли вопросы семьи, вопросы пола такими, которые лежат вне линии классовых норм, вопросами частной жизни исключительно? Нет, многое из всего этого относится к тому, что именуется «частное дело», но многое носит сугубо социальный характер. Очень важно уметь отделять в этих вопросах социально существенное от того, что с социальной точки зрения безразлично, и уметь ответить на вопросы первого рода, исходя из интересов пролетарского класса в целом и его будущего. Надо заметить при этом, что вопросы семьи и сохранения расы приобретают особое значение

именно тогда, когда пролетариат становится у власти и начинает нести ответственность за физическое состояние и физическое будущее расы.

Формы семьи, издавна сложившиеся на основе крестьянского хозяйства и самостоятельного мелкого ремесленного производства, автоматически переходят в семейный быт и рабочего класса. Но очень скоро капитализм начинает разлагать старые формы семьи: он гонит на фабрику женщину-работницу, отрывая ее от домашнего горшка и тем самым подтачивает кухонную основу старой семьи. Однако, освободив отчасти женщину от экономической зависимости от мужчин и создав первые предпосылки для более человеческих условий брака и для связи мужчины с женщиной вообще, капитализм мог ограничиться только этим. Капитал не был бы капиталом, если бы решился перебросить содержание рабочих детей с заработной платы на прибавочную стоимость. Процесс разложения старой семьи, начатый при капитализме, при капитализме же и остановился в своем развитии, потому что вопрос об общественном воспитании не только не мог быть решен в буржуазном обществе, но не может быть даже поставлен как практическая проблема для массового решения. Когда пролетариат становится у власти, ему в этом пункте остается доделать огромное дело создания условий для окончательного упрощения новой формы семьи. Эта задача—есть прежде всего задача социального воспитания детей. А задача социального воспитания, например, для современной России, есть

прежде всего вопрос финансовый. Когда наша промышленность начнет быстро развиваться, то этим будет решен целый груз всяких проблем и вопросов, которые все почти упираются в нашу бедность. Также будет решен тогда и вопрос о том, чтоб зародыши социального воспитания, сохранившиеся при Нэп'е от периода военного коммунизма, сделать исходным пунктом перехода к социальному воспитанию, по крайней мере в городе, и в первую голову обеспечить социальное воспитание для всего детского поколения пролетариата.

Вопрос о форме семьи решен бесповоротно, дальнейшая эволюция здесь не вызывает никаких сомнений, по крайней мере в том, что касается воспитания детей. И также ясно то, что только на этом пути возможно освобождение женщины и огромная экономия всего общества, разбивающего у себя понемногу все горшки индивидуальной кухни. Этот вопрос есть программный вопрос для коммунистической партии, не вызывающий никаких споров в коммунистической среде. И поэтому задача каждого коммуниста и каждого сознательного рабочего состоит в том, чтобы всячески способствовать делу организации социального воспитания и перестановке семьи на новые рельсы. Если же уже при наличии предпосылок для социального воспитания известные слои рабочих и работниц будут держаться за старые формы семьи, то вряд ли они будут заслуживать иного отношения, чем те рабочие, которые теперь вместо митинга или собрания своего союза идут ко всенощной. Женщины

же останутся при горшках и детях, лишенные возможности отдаться делу борьбы за коренные интересы своего класса и его будущего, в то время как их товарки с верой и энтузиазмом массовым напором будут двигать вперед социалистический корабль. И еще большой вопрос, разрешит ли в будущем социалистическое государство хотя бы части родителей портить домашним воспитанием своих детей, коверкая их по образу и по подобию своему.

Но в наше время более актуальным является другой вопрос, а именно вопрос о том, как должны распределяться тяготы воспитания детей между мужчинами и женщинами, когда социальное воспитание лишь еле-еле начинает пробивать себе дорогу, когда в подавляющей массе дети остаются на иждивении своих родителей. Этот вопрос возникает не только в тех случаях, когда муж с женой расходятся, но и тогда, когда они живут вместе. Наиболее правильным является здесь такое решение, при котором родители несут или одинаковые тяготы по воспитанию детей, или, если дело идет о чисто материальной стороне дела, больше дает тот, кто материально более обеспечен. Общественное мнение пролетариата прежде всего должно защищать здесь элементарное равенство женщины и мужчины при выполнении ими тех обязанностей, которые по существу являются общественными, но которые смогут быть переданы обществу лишь при установлении системы социального воспитания детей как системы господствующей. Ни в каком случае не может считаться нормальным в рабочем

быту положение, при котором вся или основная часть труда по воспитанию ложится на работницу, находящуюся к тому же и в материальном отношении в гораздо более худших условиях в сравнении с мужчинами своего класса. Принцип товарищеского равенства должен быть здесь приведен полностью.

Следующий вопрос касается форм полового общения. При организации социального воспитания этот вопрос возникает в своем чистом виде, не затемненный привходящими условиями, связанными с семьей. Конкретно, можно ли с точки зрения пролетарских интересов поставить и дать ответ на вопрос, какие формы общения полов больше совместимы, если не с теперешними социальными отношениями и социальными интересами, то с отношениями социалистического общества: моногамия, кратковременные связи или, так называемое, беспорядочное половое общение? До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе скорее обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ. Кому больше нравился несколько филистерский личный семейный быт Маркса и кто по своим наклонностям предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и «половой коммунизм» за естественную

форму брака в будущем обществе, при чем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают, как «протест на деле» против мещанской семейной морали настоящего.

В действительности же вся такая постановка вопроса сводится к тому, что люди рекомендуют коммунистическому обществу свои личные вкусы и выдают свои личные симпатии за объективную необходимость; между тем вопрос о формах общения между полами, о котором так много шумят с точки зрения морали, поскольку этот вопрос ставится вне связи с семьей, *делается вопросом социальным, прежде всего лишь с точки зрения физического здоровья расы.* Вряд ли кто сможет доказать, что та или иная форма брака внутри рабочего класса, при наличии социального воспитания детей, может непосредственно влиять на успехи или неудачи в борьбе пролетариата за коммунизм. Следовательно, с этого конца, работники социалистического общества могут быть довольно равнодушны к тем или иным формам полового общения. Вся эта проблема делается социальной проблемой лишь в связи с вопросом о физическом сохранении и укреплении расы, прежде всего с точки зрения наиболее здорового, наиболее оптимального потомства. А следовательно, и ответы на вопрос должна здесь дать медицина, а не коммунистическая программа и связанные с ней боевые классовые нормы пролетариата. Но и медицина, повидимому, не в состоянии прописать здесь типового единообразного рецепта.

Если оптимальное потомство бывает при прочих равных условиях чаще результатом полового общения, связанного с любовью, а любовь опирается у одних на длительную, у других на кратковременную связь, и зависит часто от темперамента сторон, то при таких условиях один и тот же результат (наилучшее потомство) может быть достигнут различными формами полового общения. Разумеется, медицинский, или, вернее, биологический, подход к вопросу требует учета и других сторон проблемы: предупреждения физического истощения при половых сношениях, наилучшей комбинации *физических* свойств лиц, вступающих в связь и оставляющих потомство и т. д. А все это лишний раз доказывает, что на все возникающие здесь вопросы нужно уметь искать ответа у медицины, при чем необходимо с другой стороны, чтоб и социалистическая медицина умела давать эти ответы как в частных случаях, так и в общей постановке.

Мы подошли уже к тем нормам, которые диктуются задачами физического сохранения и укрепления расы. Нужно отметить, что только при социализме эта проблема может быть поставлена во всем объеме, потому что только при социализме интересы трудящихся масс, составляющих подавляющее большинство общества, ставятся на первый план, а тем самым выдвигаются на первый план и интересы физического сохранения и физического будущего этих масс. Капитализм не может поставить этого вопроса даже для буржуазии, ввиду сравнительно текучего состава капиталистического

класса (в противоположность сословиям феодального общества), вследствие глубоко индивидуалистических принципов буржуазного быта вообще и главным образом вследствие того, что соединение людей (брак) среди буржуазии подчинен задаче «соединения капиталов» и поэтому не поддается медицинской регламентации. Что же касается подавляющего большинства населения, т.-е. рабочих и крестьянской бедноты, то наиболее быстрое капиталистическое накопление и беспрепятственное выжимание из рабочего населения максимума прибавочной стоимости возможны только тогда, когда о здоровье рабочих масс капитализму не приходится вовсе думать. Он и не думал никогда о нем, располагая огромной резервной армией, постоянно пополняемой новыми кадрами из разоряющихся ремесленников и крестьян. В условиях господства буржуазии рабочий класс защищает интересы охранения расы лишь тем, что борется за лучшие условия труда и добивается на основе данного соотношения сил максимума благоприятных условий для своего материального существования.

Когда рабочий класс сам становится у власти, он делается уже ответственным за физическое здоровье всего общества. Основным условием физического возрождения расы является, конечно, уничтожение чрезмерного труда, улучшение материального положения и жилищных условий, развитие системы физического воспитания масс и т. д. Но кроме всего этого огромное значение должен получить в будущем контроль общества над по-

томством его членов. С точки зрения социалистической является совершенно бессмысленным взгляд отдельного члена общества на свое тело, как на свою безусловную личную собственность, потому что индивид есть лишь отдельная точка при переходе рода от прошлого к будущему. Но в десять раз более бессмысленным является такой же взгляд на «свое» потомство. Существуют миллионы сифилитиков, которым должно быть в интересах сохранения расы категорически запрещено иметь потомство и тем отравлять кровь и награждать парасифилитическими проявлениями ряд будущих поколений. Но здесь нужна не только законодательная регламентация. Нужно категорическое требование пролетарского общественного мнения к своим членам, идущее в том же направлении. Нужно соответствующее внутреннее убеждение у самих больных, которое формируется прежде всего под влиянием общественного мнения окружающих людей. То, что относится к сифилитикам, применимо и к целому ряду других больных и других групп, которым не следует иметь потомства в интересах сохранения расы. Потенциальные материнские чувства женщины, желание иметь потомство у мужчины, если и той и другому по биологическим соображениям нельзя иметь потомства, нужно рассматривать лишь как сантиментальные личные переживания, которым общество не должно итти ни на какие уступки. Они сами должны подавлять эти чувства в тех же интересах. Мы не говорим уже о необходимости самой беспощадной борьбы с

теми, которые распространяют половые болезни, не задумываясь о том, какое преступление они делают против других членов общества, часто против своих же товарищей по классу [1]).

Преждевременно ставить вопрос, можно ли в будущем ожидать вмешательства социалистического государства, а когда его не будет, вмешательства науки, в половую жизнь в целях улучшения расы путем искусственного полового подбора. Здесь нам нужно лишь указать на полное и безусловное право общества довести свою регламентацию половых связей даже до этого предела. И на обязанности каждого члена социалистического общества является добровольно осуществлять в своей жизни то, что будет предписываться в этой области социально-биологической необходимостью [2]), формулируемой наукой.

Важнейшей подпочвой для всех классовых норм пролетариата является не только ясное сознание классовых интересов со стороны рабочей массы, но и полубессознательная классовая спайка, чув-

---

[1]) Я думаю излишне доказывать, что пролетарские интересы требуют самой энергичной борьбы с проституцией, поскольку она коренится не только в социальных условиях, вызывающих ее предложение, но связана со спросом на нее, в том числе со спросом в среде самого рабочего класса.

[2]) Буржуазный индивидуализм приходит в ужас от одной только мысли о возможности такого искусственного полового подбора в интересах сохранения и укрепления расы. И это в то самое время, когда он считает естественным подчинение формы семьи и половых связей интересам частной собственности.

ство класса, родство со всеми своими по классу и враждебность по отношению к представителям чужих классов. Это психологическое единство пролетариата играет очень важную роль во всей его борьбе как до, так и после пролетарской революции. В частности, оно особенно важно и ценно в период Нэп'а, когда государственное хозяйство вступает в переплет с капиталистическими формами хозяйства, и работники государственной промышленности вынуждены находиться в непрерывных деловых связях с представителями капиталистического мира и буржуазными специалистами. В тех случаях, где у наших коммунистов и беспартийных рабочих эта спайка с классом бывает слаба, они легко поддаются влиянию враждебной среды, которая пока еще (правда, не надолго) в культурном отношении выше пролетарской среды [1]). В результате мы наблюдали уже и продолжаем наблюдать такие факты опутывания наших хозяйственных рабочих буржуазными дельцами, как это имело место, например, в печальной памяти Орехово-Зуевском тресте. И наоборот, там, где чувство своего класса у рабочих крепко, там им гораздо легче противостоять разлагающим влияниям нэповской среды. Отсюда практический вывод: усиление классовой спайки между всеми рабочими

---

[1]) Это влияние враждебной нам культуры заметно кое-где на рабочих факультетах, где рабочая молодежь нередко подпадает под влияние чуждых нам элементов из преподавательской среды. С этими идеологическими шатаниями нашей молодежи нам придется еще не один год бороться.

во всех отраслях работы и беспощадное осуждение всех дезертиров из пролетарской семьи, тянущихся к буржуазным элементам и предпочитающих среду рабочих обществу наших классовых врагов [1]).

Рассмотрим далее еще один актуальный вопрос, вопрос о материальном равенстве внутри пролетариата и внутри коммунистической партии при советской власти. В период военного коммунизма мы далеко провели принцип равенства, и это было необходимо и экономически и политически. Когда продуктов было мало и нужно было поддержать обороноспособность в гражданской войне всего рабочего класса, это равенство нищеты не ослабляло, а усиливало нас перед лицом врага. Когда же мы перешли на мирное положение и надо было

---

[1]) В коммунистической среде в последнее время много говорят о браках коммунистов с лицами из других классов и много спорят о том, насколько это допустимо. В сущности здесь нет проблемы, рассуждая принципиально. Это область частных дел, хотя понятно неудачный брак может влиять вредно на деятельность коммуниста. Но так может влиять и многое другое, что мы обыкновенно не привлекаем к обсуждению как дело личное. Вообще же если член партии поступает не по коммунистически, то надо его судить за объективные поступки по существу, не вдаваясь в изыскания, почему так вышло. Но что социально важно в расматриваемом вопросе, так это следующее. Если куммунист женится на женщине из буржуазной среды, то к этому как-то стихийно, бессознательно отношение будет гораздо более снисходительное, чем когда бы коммунистка вышла замуж за непмана. На таких фактах легче всего проверить, как глубоко еще сидит у нас в „нравах“ азиатчина женского неравноправия и двойной морали.

с тем человеческим материалом, который у нас был и с теми стимулами к труду, которые сохранились у рабочих от мелко-буржуазного и капиталистического периода, (т.-е. главным образом, индивидуалистическими стимулами) поднимать производство, мы вынуждены были начать с того, на чем закончил наш капитализм. Мы вынуждены были восстановить во многом капиталистическую систему заработной платы, т.-е. систему неравенства в оплате, в зависимости как от квалификации рабочих, так и в зависимости от норм выработки. А к этому присоединилось еще неравенство отдельных предприятий и отдельных трестов в связи с тем, какие из этих предприятий оказались лучше, какие слабо связанными с рынком. Неравенство оказалось для нас производственно необходимым на данной ступени развития, при данном людском материале. Это неравенство рассекло по тем же линиям и коммунистическую партию, вызывая в ней недовольство «низов» против лучше оплачиваемых так называемых «верхов». Поэтому, что касается положения внутри всего рабочего класса в целом, то протест здесь против неравенства есть, в сущности говоря, протест против того, что социализм вырастает из капитализма. Этот протест реакционен, если в основе его лежит стремление к мелкобуржуазной уравнительности, не считающейся с нуждами производства. Он может быть прогрессивным в той мере, в какой представляет из себя протест выросшего социалистического сознания рабочих против остатков капиталистических отно-

шений и направляется прежде всего против таких форм неравенства, которые совсем не вызываются производственной необходимостью. Этот протест будет тем более прогрессивным, чем быстрей будет расти уровень квалификации всего рабочего класса, и закрепление неравенства и всяких привилегий для одной группы рабочих будет становиться производственно ненужным. Что же касается коммунистической партии, то именно потому, что эта партия является массовой, было бы вряд ли возможно оторвать ее от условий существования всего рабочего класса в целом и превратить в материальном отношении в «общество равных». Но так как коммунисты работают и обязаны работать в интересах всего класса в целом не из соображения материальных выгод, то здесь борьба против таких форм неравенства, которые не вызываются уже никакими ни политическими, ни экономическими соображениями и в то же время ослабляют внутреннюю спайку в партии, должна вестись гораздо более решительно, чем где-либо. Это неравенство внутри коммунистической партии и привилегированное положение некоторых ее слоев, далеко выходящее за пределы чисто физического сохранения от истощения ценнейших кадров партии, чрезвычайно вредно в том отношении, что может привести к борьбе за сохранение привилегированных мест, к окостенению тканей партии, к карьеризму и чиновничьему перерождению некоторых слоев партии. Этот процесс будет тем опасней, чем больше все новых и новых подготовленных сил из молодежи

будет приливать на руководящие посты партийного и советского аппарата, и эти новые силы будут встречать сопротивление, диктуемое отнюдь не интересами социалистического строительства.

Вообще наша партия слишком поддалась автоматическому движению и автоматической стройке госаппарата. В области оплаты государственный аппарат равнялся по буржуазному специалисту, которого надо было привлечь, удовлетворяя его запросам и привычкам, а в период Нэп'а началось равнение также по квалифицированному рабочему «старого призыва». На известном этапе это для госаппарата было исторически неизбежно. Но чем быстрей будет итти подготовка и вливание в производство и аппарат специалистов из рабочих, чем быстрей будет итти с другой стороны подготовка в школах фабзавуча и другими путями нового поколения квалифицированных рабочих (а квалифицированных в будущем должно быть *большинство* среди всего пролетариата), тем менее оснований будет у государства держаться старой системы оплаты и связанного с ней и разбухшего вне всякой меры и смысла материального неравенства внутри государственного круга. Этот новый этап начнется, вероятно, через полдюжины лет. Но уже и теперь пора поднять голос против таких размеров неравенства в оплате, которое есть продукт лишь обезьяньего копирования буржуазных отношений и никакими интересами дела не вызывается. Ближайшее будущее принадлежит, несомненно, равенству в области материальных условий

существования государственных работников. И хотя равенство само по себе, равенство во что бы то ни стало, не представляет из себя самостоятельной цели нашего строительства, однако оно будет постепенно достигаться на основе потребностей самого развивающегося хозяйства и на основе новой психологии молодого поколения рабочих.

Вообще же и вопрос о равенстве в материальных условиях и все аналогичные вопросы надо ставить не с точки зрения какой-то абсолютной и абстрактной социалистической справедливости, а с точки зрения интересов развития, движения вперед всей нашей социалистической стройки. И в каждом отдельном случае надо решать вопрос конкретно: что на данной ступени способствует движению вперед и увеличивает силы и сплоченность борющегося пролетариата, что уменьшает, что, наконец, безразлично для того и другого. Неравенство было и пока остается производственно-необходимым, и в пределах производственно-необходимого мы должны с ним мириться. Мы будем против неравенства, когда развитие новых производственных отношений при наличии нового поколения рабочих не только не будет требовать такого неравенства, но будет иметь в нем преграду для движения вперед.

В заключение еще один вопрос, очень волнующий крестьянские слои нашей партии. Насколько совместима работа в собственном индивидуальном хозяйстве (со всеми вытекающими отсюда последствиями), с работой в коммунистической партии? Не стоит-ли вопрос здесь так: либо самостоятель-

ное хозяйство, либо коммунистическая партия? Такое «или—или» совсем не обязательно. Коммунист-крестьянин должен лишь помнить, что, вступив в партию, он тем самым на свое индивидуальное хозяйство должен смотреть не как на цель, а как на средство к нашей коммунистической цели. Иными словами: если он может быть образцовым хозяином и вести пропаганду *делом* новых способов обработки земли, оставаясь добрым коммунистом, то это хорошо. Если он может быть образцовым коммунистом лишь ценой превращения в худого хозяина, то нужно предпочесть этот последний исход. Хозяйство для деревенского коммуниста, если он хочет оставаться коммунистом, должно быть на втором месте, а партия на первом. На хозяйство тогда нужно смотреть лишь как на средство к жизни, не более. Перефразируя известные стихи, можно сказать: хорошим хозяином ты можешь и не быть, а хорошим коммунистом быть обязан. Разумеется, в практической жизни бывает крайне трудно провести грань, с какого момента увлечение собственным хозяйством начинает явно вредить выполнению коммунистических обязанностей, но принципиально непреодолимого тут ничего нет. Умели же члены нашей партии, когда были в подполье, совмещать самую разнообразную работу для добывания материальных средств с деятельной работой в партии, как работой основной, которой первая была подчинена как средство. С этой точки зрения решается и целый ряд других проблем, стоящих перед деревенским коммунистом: в каких фор-

мах и в каком объеме можно прибегать к торговым операциям и т. д.

Приведенные нами примеры из области пролетарских классовых норм доказывают, что, во-первых, эти нормы реально существуют, и во-вторых, что они неизбежно будут существовать до тех пор, пока существуют классы. Было бы совершенно невероятным, если б в период диктатуры пролетариата и существования социалистического государства сохранились эти важнейшие атрибуты классового общества, а классовые нормы, играющие столь важную роль в деле сплочения класса, поддержания в нем внутренней связи, боевой спайки и воздействия целого на свои части, чтобы эти нормы неизвестно по каким причинам прекратили свое существование. Мы привели несколько примеров. В нашу задачу не входит дать систематическое описание всех классовых норм пролетариата, потому что главная задача этой работы—правильно *поставить* самый вопрос о морали и классовых нормах. Но уже из сказанного видно, какую позицию следует занять в отношении того стихийного «аморализма», который довольно распространен среди части пролетарской молодежи, и который не знает, докуда простирается его действие. Если понимать под этим аморализмом отрицание правил буржуазной и мелко-буржуазной морали в теории и на практике и разоблачение этого «внеклассового» тумана над классовыми нормами, то такой «аморализм» есть, в сущности, марксистское, историко-материалистическое отношение к морали

других классов. Если же этот аморализм переходит в отрицание всяких норм вообще, следовательно, и пролетарских классовых норм, то такой аморализм в обстановке незаконченной классовой борьбы является в лучшем случае утопической маниловщиной и теоретической путаницей, в худшем—продукт влияния на пролетариат мелко-буржуазного, анархического индивидуализма. Но скорее всего, здесь перед нами не какое-либо «нездоровое», «опасное» и т. д. явление, а просто часть нашей молодежи не свела еще концы с концами. Освобождаясь от моральных пут, навязанных эксплоататорскими и исторически отсталыми классами, она с разбегу замахивается на словах на нормы вообще, хотя в своей практике в огромном большинстве добросовестно подчиняется основным нормам своего класса.

Будущее классовых норм.

По мере развития социалистических отношений пролетарские классовые нормы будут изменяться в том отношении, что они будут упрощаться, делаться эластичней, рационализироваться и, если возможно так выразиться, укорачиваться. Для того чтобы работник социалистического общества в той или другой области, регулируемой классовыми нормами, начал в интересах своего класса поступать иначе, чем раньше, для этого не нужно принудительного воздействия на него общественного мнения его класса. Он постепенно приучится авто-

матически переносить в свою практическую деятельность все то, что диктуется наукой и общим интересом. Если та же медицина устанавливает, допустим, общественный вред той или другой укоренившейся привычки, то отнюдь не требуется для борьбы с этой привычкой, чтоб сначала упорной борьбой выковалось по этому вопросу общественное мнение большинства класса, а затем эта новая норма принудительно распространялась на всех членов класса и поддерживалась давлением его общественного мнения. Общее повышение уровня культуры и сознательности работников социалистического общества будет выражаться между прочим и в том, что они научатся выполнять все социально-необходимое с гораздо большей легкостью и естественностью, чем это делалось при застойных общественных формациях, когда осуществление классово-необходимого достигалось путем распространения какой-либо новой морали. Приведу пример. Допустим, на определенной стадии развития социалистического общества по тем или иным причинам деторождение достигло угрожающего минимума. Достаточно науке забить тревогу, чтоб практические выводы члены общества делали немедленно, сознательно и добровольно. При таких условиях лозунг: увеличивайте деторождение—отнюдь не нужно будет превращать в какую-то окостеневшую социальную норму на весь тот период, пока не установится в обществе нужной пропорции между смертностью и размножением.

Это с одной стороны. С другой стороны, несомненно, по мере уничтожения классового деления общества и сами классовые нормы будут перерождаться в обще-социальные нормы, тем более, что и работники социализированной части хозяйства будут постепенно превращаться в подавляющее большинство всего рабочего населения. Но не только поэтому. Классовые нормы должны с прекращением классовой борьбы либо отмереть в той их форме и в той их части, в какой они были одним из орудий этой борьбы, либо они должны трансформироваться. Иными словами, они должны на новом социальном базисе служить иным задачам. Скрепы класса, борющегося с другими классами, будут превращаться в скрепы всего общества в -его борьбе с природой. Классовые нормы будут превращаться в социальные нормы. А долго ли будут они существовать, в какой форме и можно ли связывать генетически будущие социальные нормы с классовыми — ответ на эти вопросы в значительной степени зависит от того, на какой стадии развития мы будем брать будущее общество. То, что на одной его стадии будет еще сохраняться, как социальная норма, то уже на следующих будет загнано в инстинкт и будет развертываться в деятельности отдельного человека в виде реализации наследственного капитала от предыдущих поколений. Здесь важно подчеркнуть лишь два обстоятельства. Первое: из всех и всяческих норм выпадет с ликвидацией классового общества все то, что было порождено классовым

делением общества. Второе: можно констатировать, что право будет ликвидировано раньше, чем неписанные классовые, а затем обще-социальные нормы. Вероятнее всего, правовые нормы в переходный период будут заменяться постепенно общесоциальными нормами, а частичное внедрение последних в социальные инстинкты будет происходить в широком масштабе лишь в исторически более поздний период.

Таким образом на вопрос о будущности классовых норм мы отвечаем: эти нормы имеют такое же будущее, как армия, милиция, суд, государство вообще, т.-е. не имеют будущего. О будущем же общесоциальных норм сейчас можно лишь гадать. Какой-то промежуток времени на перевале от социализма к коммунизму они должны существовать. В их лице человечество психологически будет прощаться с последними пережитками классового периода своей истории.

Библиотека
Института Ком на
при ЦК В.К.П. (б.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловия	3
Мораль и право	7
Субъективные цели и объективные последствия	9
Нравственный—полезный; безнравственный—вредный	11
Эволюция моральных норм	13
Мораль в классовом обществе	17
Так называемые вечные моральные истины	29
Социальный инстинкт и классовый интерес	39
Существует ли пролетарская мораль?	53
Классовые нормы пролетариата до революции	65
Классовые нормы пролетариата после революции	73
Будущее классовых норм	111

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА—ПЕТРОГРАД

Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8. Тел. 1-51-21.

Плеханов, Г. В. Сочинения, т. I. Статьи до 1881 г. С пред. Д. Рязанова. Стр. 364. (Библ. Научн. Соц. под ред. Д. Рязанова). Ц. 90 к., в пап. 1 р.

Его же. Сочинения, т. II. Статьи 1883—88 г.г. С пред. Д. Рязанова. Стр. 404. (Библ. Научн. Соц. под ред. Д. Рязанова). Ц. 1 р. 20 к., в перепл. 1 р. 30 к.

Его же. Сочинения, т. III. На русские темы. Статьи (1888—92 г.г.). Стр. 426. С пред. Д. Рязанова. (Библ. Научн. Соц. под ред. Д. Рязанова). Ц. 1 р. 30 к. в пап.

Его же. Сочинения, т. IV. Статьи (1888—94 гг.). Стр. 333. С пред. Рязанова. (Библ. научн. Соц. под ред. Д. Рязанова). Ц. 90 к., в пап. 1 р.

Социализм и история социализма.

Бебель, А. Женщина и социализм. Под редакц. В. А. Поссе. Стр. 485. Ц. 1 р. 30 к.

Бер, М. История социализма в Англии. С предисловием Ф. Ротштейна, ч. I. Стр. 329. Ц. 75 к.

Изложение учения Сен-Симона (1828—1829 г.г.). Перев. М. Ландау. С пред. В. Волгина. Стр. 304. Ц. 75 к.

Каутский, К. Собрание сочинений, т. III. Предшественники новейшего социализма, ч. I. Коммунистическое движение в средние века. Перев. и предисл. И. Степанова. Изд. 2-е, вновь просмотр. Стр. 244. Ц. 75 к., на хор. бум. 80 к.

Его же. Собрание сочинений, т. IV. Предшественники новейшего социализма, ч. II. Коммунизм в германской реформации. Перев. В. Базарова. Стр. 212. Ц. 60 к.

Экономические науки и народное хозяйство.

Бернштейн Коган, С. В. Очерки по экономической географии, вып. I. Стр. 126. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

Богданов, А. Краткий курс экономической науки. Изд. 3-е. Стр. 264. Ц. 80 к.

Его же. Политическая экономия Рантье. Стр. 191. Ц. 45 к.

Бухарин, Н. Мировое хозяйство и империализм. Экономич. очерк. Стр. 170. Ц. 45 к.

Варга, К. Кризис мирового капиталистического хозяйства. Перев. Н. Л. Мещерякова. Стр. 126 (Библ. Мирового хоз. и мировой политики). Ц. 30 к.

Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Нов. пересмотр. изд. Стр. 446. Ц. 1 р. 55 к., в пап.

Ленин, Н. (Ильин, В.) Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Стр. 91. Ц. 25 к.

Ленин, Н. (Ульянов В.) Империализм, как новейший этап капитализма. Стр. 109. Ц. [illegible] к.

Любимов Л. Курс политической экономии, т. I, вып. I. Стр. 265. Ц. 75 к.

Маслов, П. Общедоступный курс истории народного хозяйства. От первобытных времен до XX-го столетия. Изд. 2-е дополн. Стр. 339. Ц. 1 р.

Новые пути коммунизма. Сборник. Стр. 251. Ц. 60 к.

Основные проблемы политической экономии. Сборник статей. Под ред. и с предисл. Дволайцкого и Рубина. Стр. 440. Ц. 80 к.

Рубин, И. И. Очерки по теории стоимости Маркса. Стр. 125. Ц. 40 к.

Степанов, И. И. Электрификация Р.С.Ф.С.Р. в связи с переходной фазой мирового хозяйства. С предисловием Ленина и Кржижановского. С рис. и картами. Стр. 391. Ц. 1 р. 75 к.

Тимофеев, П. Г. Экономическая география России в сравнении с важнейшими странами. С диаграм. и картограммою. Стр. 347. Ц. 1 р. 60 к.

Цены на книги указаны в червонцах.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Ильинка, Биржевая площадь, Богоявленский пер., 4.
Петроград, Проспект 25-го октября (Невский), 28.

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ: 1) Советская площ. (под гост. „Дрезден"). 2) Моховая, 17 (под гост. „Националь"). 3) Б. Никитская, 13 (здание консерватор.) 4) Никольская ул., 3. 5) Серпуховская площ., 1/43. 6) Кузнецкий Мост, 12.

МАГАЗИНЫ В ПЕТРОГРАДЕ: 1) Проспект 25-го октября (Невский), 28. 2) Проспект Володарского (Литейный), 21. 3) Проспект 25-го октября, 13. 4) Проспект 25-го октября, 68.

1р. 25к.